

2 ТОМ

ХАРИТОН МАМБУРИН

ШЛЕПОК

ГНЕВА

Хорошего понемножку

Харитон Мамбурин

Шлепок гнева. Книга вторая

«Автор»

2024

Мамбурин Х. Б.

Шлепок гнева. Книга вторая / Х. Б. Мамбурин — «Автор»,
2024 — (Хорошего понемножку)

Уже целый год как вампир Конрад Арвистер и его приемная дочь Алиса Тарасова живут-поживают в славном городе Омниполисе. Жить долго и счастливо им всюю помогают брат и сестра Скорчвуды, парочка одиозных и очень забавных полугоблинов... кхе. Кхе-кхе...ну да кого мы обманываем?Никто из них не умеет жить спокойно! Очередной виток полной противоречий истории, в недрах которой с готовностью заблудятся здравый смысл, логика, человеческая порядочность, нечеловеческое коварство, подлость, хитрость, прожженный цинизм, жуткие аморальные планы, неясные, но зловещие амбиции, а также зловещая истинная натура.И это мы сейчас говорили только о котках!

© Мамбурин Х. Б., 2024

© Автор, 2024

Харитон Мамбурин

Шлепок гнева. Книга вторая

Пролог

Юго-Восточный округ Омниполиса считался одним из самых спокойных и безопасных районов города. С одной стороны, потому что в свежестроенных здесь высотках жили почти исключительно люди и полуэльфы, с другой стороны, потому что здесь жили люди и полуэльфы. Терпеть на «своей» территории других, особенно гномов, а уж совсем особенно гоблиноидов – они категорически не желали. Волчеры и рэтчеды вообще могли нарваться так, что и хвостов потом не найдут, поэтому никто не мешал основной массе трудяг огромного мегаполиса отдыхать от трудов праведных.

Ну а что? Что тут ловить? Дома одинаковые, каждый подъезд на новомодном запоре с домофоном, разумные живут небогато, все в зоне слышимости друг у друга. Попробуй подломить хату, в которой можно-то разжиться разве что одним-двумя империялами и телевизором, так тебя тут же и ушатают. И мало того, в дружинах, которые патрулируют по ночам Юго-Восточный, еще и особо одаренные полуэльфы есть, которым от ушастого родителя магии перепало. Такие так шарахнуть могут, что троллю не поздоровится. Пусть неумело, пусть на всю котлету, но дураков это осиное гнездо ворошить не было.

Поэтому, идущая ночной порой по одной из улиц девушка чувствовала себя в безопасности. Относительной, конечно. Она семеняла себе в густых тенях от крон деревьев, постоянно оглядываясь по сторонам в опасении увидеть один из знаменитых ночных патрулей. Привлекать к себе внимание полуэльфов и человек она точно не хотела, несмотря на то, что если сдернуть с неё плащик с капюшоном, под ним бы обнаружилась самая настоящая полуэльфийка... только маленькая.

Слишком маленькая.

Рост ночной странницы еле дотягивал до одного метра и тридцати сантиметров. Тоненькая, гармонично сложенная фигурка при близком рассмотрении могла бы продемонстрировать даже вполне женственные, хоть и очень изящные формы. Тонкие кожаные штаны в облипочку, блузка и легчайший жакетик нараспашку, имеющиеся у девушки под плащом, не делали из её форм и женственности никакого секрета. Лицо могло подвести, да, слишком уж детское, но остальное...

Только вот не бывает таких человечек и полуэльфиек, а значит, любой патруль бы задержал подозрительную особу. А задержав, опознал бы в участке. А опознав... ууу, дальше события бы стали развиваться совсем невкусно.

Шансы на подобный исход были вовсе невелики, но нервничать это девушке не мешало. То, что у неё было с собой, то, как оно ей досталось, то, что она собиралась с этим сделать... Всё это заставляло её трястись внутри от страха и возбуждения!

– Только бы пронесло, только бы пронесло..., – неслышно шептали губки крохотной девушки, быстро перебирающей ножками.

К кульминации подходил весь её долгий, тщательно режиссированный и претворенный в жизнь план. Не раз и не два отважной крохе пришлось рисковать всем, чтобы преодолеть очередной этап плана. Не только ей, но теперь всё зависит только от неё, от её ума, хитрости, решительности и связей! Кстати, о последних.

Встреча у закутанной в плащ девушки была назначена в самом обыкновенном подземном переходе, к которому она дошла без всяких проблем. Ожидающий её полуэльф был один, как и договаривались. Одетый в весьма недешевый наряд, полуэльф прятал свою нервничаю-

щую рожу нашейным платком и выглядел дерганым донельзя, но тут же расслабился, увидев маленькую безобидную фигурку. Тоже одну.

– Принесла? – горячечный хриплый шепот мужчины разнесся неожиданно громко, он аж чуть присел с перепуга.

– Да. Показывай деньги, – торопливо достала она из-под плаща свою ношу. Тихонько звякнуло.

– Надо проверить, у меня есть фонарик, – предупредил хорошо одетый полуэльф.

– Я тоже... проверю, – заявила девушка в плаще, – Давай деньги!

– Сначала крышки покажи! Вот сюда, под луч! – полуэльф щелкнул компактным фонариком, – Я хочу убедиться!

– Смотри! – с готовностью сунула она под луч... три небольшие закупоренные бутылки газированной воды черного цвета.

У полуэльфа задрожали руки и губы. Всё казалось прямо таким, как надо.

– П-послушай... – промямлил он.

Девушка в капюшоне тут же отпрыгнула, моментально убрав товар. В её руке сверкнул нож.

– Подстава?! – прошипела она.

Вокруг было тихо.

– Нет, не подстава, все нормально! – торопливо уверил её собеседник, нервно срывая платок с лица, – Всё хорошо! Деньги есть, все есть! Но я не смогу проверить сразу три бутылки, понимаешь? Уроню же! Вот, держи за одну, давай её сюда! Сейчас всё будет!

Что бы ни было в бутылка, оба разумных в подземном переходе относились к этой жидкости с чрезвычайным пиететом. И ведь не просто так. За каждую бутылку полуэльф передавал девушке по золотой монете, империалу, стоимостью ровно в тысячу талеров Омниполиса. Средняя месячная зарплата по городу равнялась трем сотням талеров...

Наконец, обмен состоялся полностью. Проверка монет и бутылок удовлетворила участников сделки полностью.

– А еще... еще у тебя будет? – выдавил из себя полуэльф, расставшийся с небольшим состоянием.

– Нет! Пока всё пусто! Мне пора! Наслаждайся! – девушка торопливо удалялась.

– Постой! – умоляюще выдавил ей полуэльф в спину.

– А? – та снова насторожилась.

– Это... точно оно? – просительно пролепетал он, – Точно? Без обмана?

– Да! Успокойся! – уверенно отозвалась она, – Эти бутылки нигде не гуляли! Я лично отвечаю, что там именно оно! Все! Пока!

Сделка завершилась. Теперь осталось только вернуться домой!

Три тысячи талеров!

Ей хотелось петь и танцевать, хотя время праздновать еще не пришло. Совсем не пришло. Да, выбраться из Южно-Восточного будет теперь гораздо легче без трех ценных, но хрупких бутылок, но элемент риска все равно остается. Пусть и не в случайном патруле полуэльфов, пусть и не в долгой дороге домой...

Он...

Девушка содрогнулась, чуть не споткнувшись.

С недавних пор *его* она боялась больше всего.

Но нет, не надумывай, шагай давай! Ты еще успеваешь на трехчасовой трамвай. Если бы были ошибки и осечки, если бы кто-то из них накосячил, то это давно бы всплыло! Год уже прошёл! Целый год! Успокойся! Все кончилось хорошо!

Трамвай её окончательно убаюкивает и успокаивает. Ехать в пустом вагоне приходится почти час, но это есть в планах. Операция успешна... надо будет подумать о повторении. Хе-хе.

Эта мысль увлекает её до такой степени, что даже выйдя на своей остановке она не сразу избавляется от плена захвативших азартных мыслей. Успех – он как наркотик, манит и пленя... ..ня?

Глаза не сразу сфокусировались на фигуре, стоящей прямо под фонарем. Тройка, бежевый плащ, шляпа. Ничего необычного, мода тридцатых-пятидесятых из Америки вцепилась в Омниполис всеми зубами и когтями, не собираясь уходить. Только вот красный свет глаз, смотрящих прямо на нее, белый отблеск невероятно острых и крупных зубов, сверкающих из-под медленно разъезжающихся тонких губ...

Она сама не поняла, в какой момент мир смазался, расплываясь неясными пятнами. Тело само пустилось бежать, на полную мощь, без оглядки, опрометью. Почки щедро брызгались адреналином, тело содрогалось в нервной энергии, кажущейся бесконечной, рот, оскалившись, втягивал воздух без остановки! Улицы, улицы, улицы... САД! Туда, через забор! Быстрее! Еще быстрее!

Она бежала с пустой головой, буквально захлебываясь внутри от жажды побега, от желания убежать. Не думая ни о чем, девушка, уже потерявшая где-то плащ, неслась как испуганный кролик, петляя между деревьев. В тишине, в темноте, никак не понимая, успешно ли она убегает от чудовища, или же ей всё только кажется, а монстр, на самом деле, уже близко, уже протянул руку...

Забор показался ей неким финальным барьером. Высокий, слишком высокий, он точно был непреодолим для большинства, даже для *него*, но не для неё! Маленькая, но сильная и ловкая, она стремительной кошкой вскинулась вверх по дереву, хватистой обезьянкой проползла по длинной, но крепкой ветке, ловко и быстро её раскачав, прыгнула на самую верхушку забора, перегнувшись через него и давая себе долю секунды осмотреться, спланировать спуск...

В этот момент оно и случилось. Тьма сгустилась за спиной девушки, тьма сверкнула красными глазами и белоснежным оскалом клыков, тьма выплюнула из себя длинную мужскую руку, сильную и крепкую, затянутую в перекрученный бежевый плащ. Ладонь, широкая и длинная, принадлежащая крепкому рослому мужчине крупных габаритов, атакующей змеей метнулась прямоком к неосторожно подставленным свету Луны маленьким ягодицам жертвы, защищенным лишь тонкой кожей легкомысленных штаников. Хлесткий звук шлепка разнесся по сонному ночному саду выстрелом как из хлопушки!

А потом раздался он, визг крепко шлепнутой жертвы.

Глава 1. Горе поврежденным

– *Вы думали, я вас не переиграю?*

Вопрос остается без ответа. Двум страдальцам сейчас не до вменяемого диалога, у них в жизни черная полоса. Точнее, даже две, накладывающиеся друг на друга. Просто лежать и страдать – это первая стадия, но периодически надо вставать, чтобы поменять подруге лед в кульке на заднице... или поправить его, если съехал. Тогда да, чернота удваивается. В общем, дамам не до нас. Еще ведь стонать жалостливо надо, так, чтобы нервничал и злился некий проклятый полутроль.

Этого нам не надо, дверь мы прикроем. Не для них, негодяек, я полутролля проклинал! Кстати, качественно вышло. Сидит, только моргать и может, даже дыхание ровное.

– Позволь, мой друг, я расскажу тебе историю... – улыбаюсь я, открывая пиво.

Жила-была девочка по прозвищу Шпилька. Ловкая, смелая, не очень умная, правда, но кто из нас без греха? Зато амбициозная, готовая работать и развиваться в разных коллективах! Загляденье, а не девочка! Только увы, случилось горе – по глупому стечению обстоятельств... её уволили. Такое горе.

И пускай оно длилось недолго, пускай в тот же день наша прекрасная девочка оказалась нанята на куда более стабильную, доходную и высокооплачиваемую работу, но она затаила на своего доброго, умного и честного работодателя нехилый такой зуб. Удивительное дело, да, Шегги? С чего бы это?

А я тебе отвечу, с чего. Пока твоя сеструля добывала звон в Гильдии, она жила в собственное удовольствие. Каждый день движуха, каждый день приключения, а если работа провалена и звона нет, так брат всегда выручит, всегда прикроет. К нему-то идут постоянно, не так ли? Пусть понемногу, но это позволяет нашей стрекозочке петь и танцевать. Не шури рясницами, Скорчвуд, мы приближаемся к сути вещей. А она в том, что наша дорогая Анника никак не могла себе простить, что рядом с ней два Блюстителя, а она с этого ничего не имеет. Гордость требовала хоть чего-нибудь! Жопа хотела приключений!

...и Шпилька выработала план.

– Простой, как три копейки, – улыбаюсь я, – Уболтать Алиску закупиться в Нижнем мире, протащить контрабанду по нашим блюстительским каналам, а затем, дав ей отлежаться, толкнуть за большие деньги. Отлеживались бутылочки почти год, две юных девы чувствовали себя самыми хитрыми и играли в шпионов, но с месяц назад ссыкнули и подписали под это дело тебя. А ты, мой дорогой друг, справедливо опасаясь за жопу своей сестры, вписался, чтобы если что, прикрыть её своей большой доброй грудью. Как и всегда, как и всю жизнь. На случай, если я обнаружу вашу затею? Только я знал о ней с самого начала...

Блюстителей не обыскивают, когда они возвращаются из Нижнего мира, мы только декларируем принесенное с собой, но это лишь проверка на вшивость. Мы слишком многое можем наворотить, пропадая месяцами в Срединных мирах, так что приносим определенные магические и мифические клятвы... которые не приносила наша дорогая Алиса. В основном потому, что она еще не шарит в нашей блюстительской жизни и находится целиком на моем попечении. Но у неё всегда было кое-что получше этих клятв, Шегги. У неё есть я, несущий полную ответственность за своего «птенца».

По гневу в твоих глупых желтых глазах, связанных с не менее глупыми ушами, я понимаю, что ты еще не проникся ситуацией. Тебя слишком волнуют две поротые жопы малолетних дурищ. Шегги, разгадай загадку, ответь на вопрос – *какой срок грозит вампиру за нарушение Устава?*

Двадцать лет в одиночке. С последующей выплатой всех затрат по крови за это время. Ударным трудом в самых поганых, самых неудобных и самых скучных Срединных мирах с самыми тупыми обитателями. Вот чего бы стоила афера твоей сестры мне и Алисе.

Всё, можно снимать воздействие цепочки кровавых рун, когда-то втихую вырезанных мной на многих предметах мебели в доме. Сопящий Шеггард Скорчвуд, мой сосед, подчиненный, помощник и смотритель дома, вразвалку уходит в комнату к страдалицам, от чего у тех наступает третья стадия черной полосы – полутролль начинает мерно тыкать толстым пальцем-сосиской обеим в ягодицы, приговаривая, что так жить нельзя и им должно быть очень стыдно. Ор встает от небес.

В принципе, я их и отлупил обеих так сильно именно затем, чтобы успокоившийся полутролль не устроил повторной экзекуции.

Вздыхнув, я встал, налив пива в две глубокие миски, извлеченные мной со своего места в кухонном шкафчике. Затем извлек из сумки здоровенную копченую рыбину, провел той удлинвшимся когтем вдоль хребта, разделив на три составные части – две жирные мясистые половинки и скелет. Бросив кости в мусорное ведро, уложил рыбу к пиву. Хуммельсдорф и Оппенгеймер, чинно ждавшие в стороне, подошли к угощению как по команде. Хорошие коты, понимающие. Жрут, конечно, много, выпить тоже не дураки, зато именно они и помогали мне следить за бедовой парочкой авантюристок, пока я отсутствовал дома. А подобное происходило частенько.

Целый год прошёл с того самого момента, как я поселился в Омниполисе. Единственный оседлый вампир на все Срединные миры!

Жизнь была хороша, жить было хорошо. Конечно, трудности присутствовали все это время, но без таких эпических просеров, которые так выдала Шпилька. Наоборот, она, лелея в уме эту каверзу, косячила на удивление мало. Полезного тоже было немного, если не брать в расчет, что именно она и работала ногами и руками рекламы нашего агентства.

Моего агентства. Детективного.

С последним пока дела шли ни шатко, ни валко. Ряд закрытых дел уже гордо стоял на полочках и лежал в ящиках, внушая дрожь и уважение будущим солидным клиентам, но вот последних пока не было. Этому городу не очень нужен был детектив. Хотя, я, наверное, себя обманываю. Этому городу очень нужен детектив, но вовсе не Конрад Арвистер, Блюстититель. Он же Хранитель Равновесия, он же Арбитр, он же Алчущий Порядка, он же еще тридцать три нелепых прозвища. Грубо говоря – агент Всеобщего Правительства, имеющий все возможности и желание подвесить твою грешную задницу на любой из флагштоков города.

Обидно, конечно, очень. Почему-то Блюстителей воспринимают именно такими слугами закона, хотя мы – вовсе не они. Мы храним равновесие миров, устоявшийся баланс и порядок вещей, нам глубоко чхать на ваши мелкие прегрешения, если они не связаны с контрабандой из Нижнего мира!

Но нет, увы, стереотипы слишком мощная штука. Самое клевое, что мне пока поручали расследовать – факт хищения средств подчиненным у одного солидного гнома, занимающегося вывозом мусора и перевозкой сыпучих грузов. Пять минут, одна сигарета, один крип-наблюдатель – и виновник пойман. Кстати, его утопили в бочке с жидким цементом.

Омниполис – очень своеобразный город, если оценивать его с точки зрения жителя Нижнего мира. Не то чтобы хоть одно нормальное живое существо интересовалось бы такой точкой зрения, но наши низшие собратья, не имея доступа к магии, умудряются чуть ли не ежедневно изобретать новые технологии, которые мы у них... милостиво заимствуем. Не просто так, конечно, а за деньги и ценные металлы.

Так, о чем это я?

Ах да, своеобразный. Множество рас, множество гибридов рас, надо как-то жить вместе, деваться большинству просто некуда. Некоторые из рас более древние, другие, как цивилизации, оформились совсем недавно. Инстинктов никто не отменял. Эльфы смотрят на всех, как на говно, гномы смотрят на всех, кроме себя, как на ценный, но ресурс, гоблины смотрят с завистью, орки хмуро, а тролли доверчиво, потому что их тут хорошо кормят. Но, как факт, втихую утопить вороватого сотрудника в бочке с цементом – вполне допустимо, а иногда даже и обязательно, если ты гном.

Разумеется, полиция откроет следствие, заведет дело, но когда следователь напорется на факт хищения средств (а ему помогут), то дело будет прикрыто. А чего лохматить бабушку? Омниполис огромен и богат, но держать разумных в тюрьмах не любит. Дорого и бессмысленно.

Так и живём, развиваемся потихоньку, в том числе и с помощью несравненной Алисы Тарасовой, молодой, но гениальной программистки, лежащей сейчас в одной из соседних комнат и держащейся за битую задницу.

Кстати, моего «птенца» уже выпихнули из всех серьезных дел, сделав кем-то вроде профессора на аутсорсе. Теперь Алиса получала отдельные задания, созданные аж целым новым департаментом в Управлении, и заодно пару раз в неделю ходила туда учить новоявленных безопасников. Доступов к критически важным системам ей же построенной «теневого» части омниполисского интернета ей уже не давали. Во многом благодаря участию в этой афере из трех бутылок популярной газировки.

Плохо, что ли? Хорошо!

Встав, я кивнул лакающим пиво котам, после чего прошел в экзекуционную, где неудачливые мошенницы всю предавались страданиям. Им я показал три имперала, а затем демонстративно передал их Шеггарту Скорчвуду на домашние расходы и улучшение наших бытовых условий. Это был финальный удар, они аж замолчали!

– Кон... рад..., – просипела Шпилька, – Ты...

– Я спас тебя от смерти, а своего «птенца» от тюрьмы, Анника, – присев рядом с неумной головой страдальцы, я широко улыбнулся, – А еще, вполне возможно, что спас и твоего брата, слишком уж привязавшегося к своей глупой сестре. Но это была разовая акция. Стоимостью ровно в две битых задницы. Больше таких аттракционов невиданной щедрости – *не будет*.

Несмотря на всю несерьезность «операции» – залёт очень серьезный. Это не принести домой живую крысу для тренировки котов, которые её, кстати, не только аккуратно придушили, но и выкинули в мусорку на улице. Это не забить слив своими волосьями, а потом пытаться свалить вину на Шегги (лысого). И уж точно это не воровство моего кофе, после которого мелкую растарачит так, что она будет полдня бегать чуть ли не по потолку. Всё это мелкие шалости, бытовуха, забавная ерундовинка...

Только объяснять это буду не я, а старина Шеггарт. Добрый, хороший, рассудительный старина Шегги, у которого есть много-много свободных часов и желания их использовать, вбивая в две пустых девичьих головы истину о том, как они были не правы и чем это могло кончиться.

А моя работа здесь закончена!

Праздновать год оседлой жизни я пошёл в «Отвернувшегося слона». Ну, там отлично кормят, очень неплохо наливают, все четыре официантки, хоть и похожи друг на друга как четыре капли зеленой воды, но жизнелюбиво одеты (точнее, раздеты) так, что настроение поднимается само собой. К тому же, идти всего от дома метров двадцать, что очень нравится оседлому мне. Шпилька тут, кстати, подрабатывала, пока идея хозяина, ангела Валеры, с заказами и их доставкой, не опала пожухлыми листьями поздней осени. Когда до «заказчиков» дошло, что сексуальные орчанки, притащившие им еду, просто притащили еду – заказы тут же сошли на нет. Про Аннику вообще молчу, у неё передвижение по городу замирает, когда выпадает снег. Да и принести она может что? Бутербродик?

А я ведь предупреждал – заставь их прятать жопы с сиськами, товарищ ангел, заставь. Но разве этот подкаблучник прислушается?

Как отказывать честным вампирам в месте за стойкой – так это Валера молодец. Злопамятный, до сих пор не простил мне обнимашки.

– Арвистер, хватит бурчать! У нас пиво скиснет! – Василиса, одна из моих самых любимых женщин, грохнула передо мной поднос с сырной тарелкой, маринованными ершами, и одним из моих любимых лакомств – прожаренной куриной шкурой.

Ну вот.

– И с каких пор это я у тебя любимая женщина? – прищурившись, поинтересовалась молодая орчанка, – Ты меня что?! Загипнотизировал и поимел, гад?!

– Ты это..., – покачал я пальцем, – Не надо тут таких инсинуаций. Ты приносишь мне еду и выпивку, приятно выглядишь и не доставляешь проблем. Поверь, за триста лет жизни такого доброго отношения от женщин я видел очень редко!

– Ну так за деньги же, – пожала плечами простодушная орка.

– И стоит мне это гораздо дешевле, чем в других случаях, – поднял указательный палец я, – Так что наши отношения, Василиса, просто прекрасны.

– Брюзга, ворчун и подлиза, – недовольно фыркнув, охарактеризовала меня девушка, уходя куда подальше.

Там, в этом «куда-подальше», сидела довольно странная молодая монахиня в полном протестантском прикиде, имеющая слегка безумный вид. Несмотря на тревожную внешность,

на которой особенно выделялись большие и редко мигающие глаза, невеста божья вовсю хлебала пиво, грызла жареную птицу и не имела никаких планов молиться ангелу за стойкой. Тому на богомолицу тоже было положить с прибором.

За пару часов, пока я разминался по маленькой, к Валере на огонёк зашли два солидно одетых орка, компания из пяти серьезных полуэльфов офисного типа с человечкой, три жарко переговаривающихся гнома и один саппоро, человек-лягушка. Пока нормальные посетители вполне пристойно заказывали себе выпить и пожрать, бессовестный саппоро не снизошёл до заказа, а наоборот, что-то толкнул заинтересованно задвигавшемуся Валере, при этом зыряка на меня, как на врага народа. Последнее было довольно странным, потому как именно этот могучий и кряжистый персонаж был одним из моих работодателей, избывая Конрада Арвистера пару раз в неделю на потеху и устрашение своим часто меняющимся ученикам.

Йаг Таг Каббазы, то есть этот квакающий хитрый ублюдок, был редкостной силы жадюгой и в придачу еще алхимиком. Какой-то он чересчур предприимчивый для культиватора... Подозрительно.

Всё так же косясь на меня, Йаг выкрабился из таверны, а с его уходом я почему-то потерял желание продолжать вяло бухать в одно жало. Ну в самом деле? Шегги, насколько я его знаю, будет еще часов двадцать наседать на девок всеми доступными способами, коты обожрались рыбы и спят, текущих дел у меня нет, а слушать стоны и жалобы этих двух неженочек желания нет никакого.

В бордель не хотелось, душила жаба. Не та, что сейчас выперлась из таверны, а другая, потому как три империала, равняющиеся аж трем тысячам талеров, отданные Шеггарду, были моими кровными. Те, что Шпилька получила в результате нелегальной сделки, вместе с покупателем газировки, сейчас парились в Управлении под видом улик, а сам полуэльф, возможно даже с чем-то толстым и занозистым в заднице, сдавал все свои контакты в Юго-Восточном. Операцию, кстати, потом запишут в личное дело Тарасовой.

Куда пойти, куда податься... К Рите? Валерии? Зенестре? Демоны Иерихона и сам Саркат, вот бывает же такое, что куда-то хочется, но не в знакомые места и не к знакомым разумным. Меня что, зовёт дорога приключений? И куда? Кинуть какашку в магистрат Граильни? Спеть со шпильки Управления? Трахнуть новую секретаршу Старри?

Нет, точно не последнее. На этот раз моей бывшей что-то вступило в голову, от чего она наняла ослепительно красивую и подтянутую... чистокровную клановую гномку, от которой просто несло вторым и третьим дном. Не знаю, зачем полудемонессе понадобился шпион промышленников под боком, но, кажется, моя победная комбинация прервется на этом месте. Связываться с кланами себе дороже.

Кроме того, есть эпизод и с самой Эммой. Мне стоило немало труда если не наладить с ней отношения, так просто вывести их из зоны горячей войны, потому как полудемонесса затаила на меня тогда слишком уж большой зуб. Ей просто эпически накрутили хвост за все косяки реальные, и за всё время, пока она провалялась дома после приступа аллергии от ангела, так что сорвать на мне злобу для неё стало делом принципа. Мне пришлось выстроить и решить несколько ситуаций в её пользу так, чтобы у нашего общего начальника не нашлось бы другого выбора, как поощрить сотрудницу. Нельзя сказать, что после этого она меня прямо всего простила и расцеловала, но явно перестала носить с собой кирпич, который планировала кинуть в некоего вампира с большой высоты.

Пока я щелкал клювом и витал в эмпиреях, реальность не стояла на месте. Она подошла к моему столику, отодвинула тяжелый деревянный табурет, бухнулась об него крепким и, возможно, костлявым задом, обдала меня густым пивным перегаром, а потом полу-утвердительно спросила:

– Ты Арвистер? Детектив?

– Всё правильно, – покивал я, разглядывая подсевшую ко мне монашку. Фиолетовые волосы, ярко-фиолетовые глаза. Так-то похожа на человека, прямо не отличишь, но чересчур смазлива, а значит, наполовину эльфийка. Самый частый случай в этом городе. Эльфы просто обожают трахать человечек, у них это считается дурной привычкой вроде курения. Хотя всё довольно просто – человечки тащатся, когда их пялит эльф, эльфа заводит то, что человечка извивается от неподдельной страсти, затем чих-пых, и очередной полуэльф вылезит на свет через девять-десять месяцев. Ну а что такого? Завести в постели чистокровную эльфийку? ... муа-ха-ха.

Без шансов. Это бревно рубится в тишине и строгости.

– Мне нужно, чтобы ты срочно кое-что нашел, – изложила свою нужду монашка, вновь насыщая воздух густым и практически святым пивным духом, – Очень нужно и очень срочно. Пойдем?

Какая... прелесть. «Очень срочно» ей. А кто тут два часа квасил?

– Для начала мне потребуются кое-что, – признался я потенциальной, хоть и крайне сомнительной работодательнице, начав загибать пальцы, – Первое – твоё имя, потому что у нас, вроде как, разговор. Второе – детали возможного заказа. Не зная его сложности, я не смогу сформулировать цену в общем, и аванс в отдельности. Последней деталью, пунктом номер три, является доказательство твоей платежеспособности, с чем я вижу определенные проблемы. Ну просто потому, что ты одета в монашеское одеяние. Встречают, как известно, по одежке.

Монашка слегка подвисла, переваривая вводные данные. Почему-то ей, насколько я мог судить, крайне не понравилось предложение назвать своё имя. Прямо дёрнулась, как будто б в трусах петарду рванули. С «детальями возможного заказа» тоже не срослось, но тут, кажется, её мозг просто с наскока не одолел понять, чего от неё хотят. Но вот третий пункт как-то прошёл.

– Денег нет, – вдумчиво и неспешно поделилась она со мной проблемой, скромно добавив, – Я их только что пропила.

Несмотря на абсурд разворачивающейся ситуации, я, в некотором плане, оказался очарован такой постановкой вопроса. Всё-таки, когда живешь сотни лет, поневоле начинаешь ценить незатертые ситуации, от которых веет жизнью. Или пивом, как в данный момент. Но чтобы так? ... лааааадно.

– Хорошо, а как ты планируешь нанять меня, не имея денег? – очень вежливо и культурно поинтересовался заинтригованный я.

Красивые и большие фиолетовые глазки медленно и недоуменно моргнули, а затем слегка скосились к переносице, сигнализируя о запущенном мозговом процессе. Я прямо видел шкалик прогресса, медленно заполняющийся по мере циркуляции пива в мозге. Слегка отвлекала чешущая к нам с подносом Василиса, но так даже было веселее, я загадал, что шкалик заполнится как раз, когда орчанка подойдет. Так и вышло.

Монашка слегка наклонила голову направо, а затем чуть ожившим голосом меня спросила:

– ...анал?

Василиса споткнулась и грянулась лицом вниз, загремев подносом.

Я неприлично заржал от всей души.

Монашка недоуменно хлопнула глазками еще раз.

Валера сидел, приложив ладонь к лицу, и медленно качал получившейся комбинацией.

Глава 2. Монастырь без устава

Новизна для пожившего вампира – штука не хуже наркотика. То, что случается в первый раз, то, что еще никогда не переживал и не чувствовал. Нет, это вовсе не про наркотики, с возрастом учишься ценить мир... тоньше и острее. Ты запоминаешь момент, добавляешь его

в свою обширную коллекцию, лелеешь и дорожишь. Из таких особенных, ярких моментов, и строится твое желание жить дальше, больше и лучше.

Вот, к примеру, заложники. Брал ли Конрад Арвистер заложников? Пф, конечно, брал! А если, скажем, принцесс в качестве заложников? Он ответит, что чаще всего. Куда интереснее брать в заложники конюха, по которому сохнет принцесса, но и это уже было. Про мелочи становления заложником самому так вообще молчу. Баян, как говорит часть моей памяти, ранее мне не принадлежавшей. Баянице!

Зато, вот, к примеру, спрятаться в туше носорога от ищущего тебя демона – это да, это уже его величество момент, господа, это уже деликатес! Причем, разумеется, тушу нельзя повреждать снаружи, демоны редко бывают идиотами, сразу заподозрит! Взобраться на Эверест? Даже не смешно. Плавали, знаем. Скинуть кого-нибудь с Эвереста? Уже интереснее. За тем, кстати, и залезал чаще всего. И так всю жизнь, всю долгую интересную жизнь. Ты ищешь интересное, ты стремишься к нему, ты алчешь пополнить коллекцию.

В этот раз мне повезло наткнуться на нечто совершенно необыкновенное!

– Неплохо ты устроилась, – покивал я, озираясь.

– А то, – лежащая пузом вниз на алтаре монашка легкомысленно качала одной согнутой в колене ногой, – Но... в жопу.

– Это да, – согласился я, – Так попасть даже нарочно не попадешь.

У смертных часто случаются перекосы в психике. Не самый стабильный народец, что и говорить. Один из самых распространенных случаев – это потребность в вере... нет, неправильно сказал. Потребность в надежде и покровителе. В психотерапии, проще говоря, так как смертный не справляется. Не вывозит свою короткую трудную жизнь. Смысл в ней ищет, защиты, справедливости, денег и молодых шлюх бесплатно. И чтоб они без венерических были! Не находит и, конечно же, огорчается. Потому и идёт к богу.

Заинтересовавшая меня монашка была именно такой. Виолика Радиган, редкостно красивая полуэльфийская барышня с мамой, но без папы. Тот, как и большинство эльфов-осеменителей-человечек, остался проживать в Магнум Мундусе. Ну так вот, большинство таких историй одинаково начинаются и одинаково заканчиваются – симпатичная полуэльфийка взрослеет, едет в столицу Средних Миров, проводит там несколько веселых лет, зарабатывая и развлекаясь, а затем возвращается в Омниполис. Часто с ребенком, потому как за совсем уж незащищенный секс эльфы платят куда лучше, да еще и накинуть могут (ну очень нехило), если вдруг их игрушка залетит. В общем, идёт по стопам мамули, уже смотавшейся за тем же самым в тот же край. Семейное дело.

Здесь всё пошло иначе. Мамаше Виолики заплатили пост ребенку столько, что у неё получилось даже своей детишкой заниматься лично, а не оставлять на волю улиц и школы, что, может быть, зря, потому что у бывшей шлюхи для эльфов педагогического таланта не было от слова «совсем». В результате Виолика выросла красивой, но пришибленной. А еще, к тому же, девственницей.

– Не пришибленной, а под влиянием мамы! – недовольно поправила меня продолжающая оксквернять алтарь монашка.

Ну... да. Когда Виолика уже созрела как та ягодка, её маман неожиданно пропадает с концами, а на столе в спальне родительницы девушка обнаруживает книгу. Да не простую, а по магии смерти.

Некромантический гримуар. Проклятый, конечно, как и полагается каждому приличному гримуару. Это ж вам не брошюрка о здоровом питании в туалете, а личная книга мага, его инструмент, дневник, а часто – еще и лучший друг. Единственный.

Узнает она об этом слишком поздно, когда уже и мертвых видит, и кошмары мучают, и сопли что-то зачастили... Не суть. Главное, что наша новоявленная сиротка решает воспользо-

ваться старым как мир методом решения таких проблем – постричься в монахини. Ага. Здесь, в Омниполисе.

– Сука! – грубо выругалась невеста божья, возлегающая жопой вверх на алтаре.

Пришла она за этим в протестантскую церковь. Вот прямо сюда. Здесь её, конечно, встретил святой отец. Невинного, замученного жизненными неурядицами ягненка. Ничего не знающего ни о религии, ни о... ну вообще ни о чем. Очень сексуального, надо сказать, ягненка.

– %№»;>;»>!!! – сочно выматерилась на гоблинфолке Виолика, сплевывая на пол.

Видимо, вспомнила что-то не то.

Ну, в принципе всё было «не тем». Местный пастор просто отнял у Виолики её книгу, запер в надежный сейф, а затем, «посвятив» ту в божьи невесты, принялся проникать в неё по вечерам святым духом, да еще и причащать днем плотью, отнюдь, правда, не христовой. Виолика страдала телесно и духовно, потому как призрачные мертвецы никуда от неё особо не девались и продолжали давить на нервы. Подглядывать во время причастий и давать советы.

– Не очень телесно-то, – хрипло поделилась со мной монашка, витая в воспоминаниях, – Ничего-то он особо не делал. Трахал только. В пихательные и дыхательные. По-другому тоже. По-всякому, короче. Козёл.

Лечение, разумеется, не помогло. Ну, траханьем.

– Вообще-то, отличный священник, – оторвался я от декламации, – Тебе сколько уже? Выглядишь на двадцать три.

– Двадцать! – кисло ответили мне, – Скажешь, что «давно пора», тоже козлом будешь!

– Ну вот, а священникам обычно надо бы чуть помоложе, лет на десять..., – покивал я.

Дальше все превращается в обычную омниполисскую бытовуху. Есть страдалица, есть не выпускающий её и запугивающий половой маньяк, есть скромная церковная библиотека, в которой полуэльфийка находит ритуал призыва низшего демона (демоницы), с которым и заключает контракт. Чтобы он её, значит, кошмаров лишил, а грязного гадкого пастора и его противный хер – убрал куда подальше, ибо видеть она их больше не может. Демон это с удовольствием выполнил, банально заорав на несчастного мужика и попучив на него загоревшись красным глазки. Пастор ссыкнул, ломанулся к себе в комнату, выгреб все ценное, и утёк в неизвестном направлении. Ровно то, что хотела Виолика. Ну а мучиться при виде призраков она тоже прекратила, потому что демоница пинком под зад вытолкнула её (точнее, уже свою) душу из тела, а сама заселилась внутрь. Правда, не совсем удачно.

– Так и живу, – вздохнула одержимая монашка.

Бытовуха? Ну, нечастая, потому как мы с призывами низшей демонятины боролись, боремся и будем бороться. С клопами тоже. Но суть не в этом, а в том, что из-за каких-то перекосов в магии призраки мертвецов перестали быть совсем уж призраками, и теперь дружно, всей толпой, ограничивают нашу обновленную Виолику в церкви. И вынуждают носить наряд монахини.

– Видимо, какие-то условия ритуалов взаимно наложились, – грустно добавила страдалица, – Так-то эти дохляки ребята неплохие, им самим это всё не нравится, но сил хватило только чтобы меня на денек выпустить. Теперь крутятся вокруг, морды бессмысленные, ни поговорить, ни на хер послать.

– А пастор в панике упёр книжку, на которую теперь вся твоя надежда о свободе от мертвецов. И из церкви, – подытожил я.

– Ага, – пожал плечиками одержимая, – Найди, а? Мне бы только освободиться, а потом забирай её себе. Все равно мне больше нечем отплатить. Ну, кроме анала.

– Да что ты к нему привязалась?! – возмутился я.

– Это не я, – отперлась монашка, – Это он Виолике понравился, вот и привязалось.

– А говоришь страдала.

– Ну потом-то да, а во время того самого чёт не очень, – уточнила новоявленная невеста Христова, махом лишая злодейского пастыря большей части его злодейского и маньячного образа.

Вот что значит «плохое воспитание». А могла бы пойти по стопам матери. Я всегда говорил, что деньги – зло!

Некромантический гримуар. Крайне погано конвертируется в талеры, но представляет из себя немалую ценность. В общем, есть реальный стимул заняться поисками, благо что представлять из себя какую-то особую сложность они не могут в принципе. Пасторы в Средних мирах товар штучный и куда более специфичный, чем гримуары по магии смерти. Приличный разумный одержимого бы убил или изгнал, просто шоб було, но у меня в этом вопросе своя, очень принципиальная позиция. Демоница ничего плохого не сделала, у неё, можно сказать, производственная травма. Кроме этого, она держательница тела, на которое может оказаться завязан гримуар.

– Не надо меня убивать! – всполошилась монашка, – Я к тебе сама пришла!

Заодно пробухав все деньги.

– Не ты первая, не ты последняя, – отмахнулся я, – Расслабься, не буду. Не поручусь, правда, за тех, кто тебя тут спалить может, так что думаю, что тебе придётся поднапрячься с маскировкой.

– Мне еще и есть надо. И пить, – испугалась Виолика, – А как деньги зарабатывать? Я отсюда выйти не смогу!

– Думаю, у тебя только один выход, – я указал на алтарь, – Неси слово божье. Чем лучше понесешь, тем больше пожертвований оставят. А номер курьерской службы я тебе сейчас нарисую...

– Работать?! – ужаснулась побледневшая как смерть монахиня.

Ах да, демоны ненавидят работать.

– Именно так, Виолика. Работать. И не аналом. Не забывай, убежавший пастор может на тебя натравить охотников за демонами. Те всегда проводят тщательное расследование перед вызовом полиции и изгнанием демона.

– Козёл!

– Потом поругаешься. Давай-ка присядем и ты мне расскажешь всё о своем аналолюбивом пасторе. Тьфу ты, привязалось...

Вот так некий вампир по имени Конрад Арвистер и соблазнил первого своего демона проводить богослужения в протестантской церквушке для разных духовных извращенцев. За темномагическую книгу о запретном волшебстве, конечно. Теперь понимаете, что именно коллекционируют долгоживущие?

Ну, демон был не первый, и даже не мой, но как прозвучало!

На крыльце родного дома сидел Шеггард Скорчвуд, курящий что-то невыразимо противное с отчетливым запахом горелой мяты. Рядом с ним стояла татуированная орчанка, вроде бы Палея, если судить по цвету её ирокеза, и клеила полутролля со страшной силой. Тот вовсю разыгрывал из себя дружелюбное наивное дерево, да еще так талантливо, что бедная официантка ангельского кафе почти пыхла от усердия, стараясь продемонстрировать зеленому лысому богатырю максимум из возможного, не опускаясь до прилюдного раздевания. При виде откровенно скалящегося меня, подходящего к дому, девушка злобно фыркнула и удалилась, качая бедрами изо всех сил.

– Шегги, ну что ж ты так..., – с сожалением проводил я взглядом молодую орочью жопу.

– Конрад, ты же сам меня учил, – спокойно пробормотал здоровяк, обдавая меня зловоном из своей трубки, – «Не гадь там, где спишь». Замутить с одной из них – это как замутить со всеми. А я четверых не вывезу. Ни тебе, ни нам эта драма под боком не нужна. Лучше поднакоплю еще на бордель. На гоблинский.

Хоть просто стой рядом с ним и вытирай себе слезы умиления. Каким мудрым вырос мой мальчик!

В самом доме были тишь и гладь, но благодати не было. Похоже, прямо перед моим приходом окончился полуфинал по нардам и всю шло месилово за титул чемпиона. Выбывшие из участия игроки обиженно дули чай, язвительно перемывая кости финалистам, а те, не обращая на лузеров ни малейшего внимания, яростно рубились за первое место. Как можно было легко предположить, выбывшими были Анника и Алиса, а продолжающими игру – Оппенгеймер и Хуммельсдорф.

– Победит Лялочка! – мстительно объявил я, зажигая звезды злорадства в глазах девушек и заставляя котов начать паниковать не на шутку. Ну да, год назад я им предложил самим выбрать, кого из них будут звать Лялочкой. Потом смиловился, и таким образом у нас появился Оппенгеймер вместо Ляпочки, но старый страх остался с пушистыми негодьями.

Открыть вам секрет? Я понятия не имею, кого из котов как зовут. Один черный, второй серый, оба здоровые и жрут много. Меня полностью устраивает то, что они ведут себя как коты, несмотря на то что достались мне от дохлой ведьмы, которую я в глаза не видел. Что? Игра в нарды? Протирка полов и подоконников? Ну значит, что у меня хорошие коты, вот и всё.

Быстренько разогрев себе перекус в виде порезанной фигни из холодильника, залитой на сковородке яйцами, я шлепнулся спать.

Детектив из меня не очень. Во-первых, как утверждают стереотипы, детектив должен быть бывшим полицейским, эдаким профессионалом, оказавшимся не у дел, но сохранившим принципы и хватку. Бедным, почти нищим, но очень принципиальным. Мужественным, но глубоко внутри очень ранимым. Одиноким, конечно же, но не ходящим по борделям из-за бедности и принципиальности.

Увы, это все не ко мне.

– Конрад, мы хотим извиниться! – хоровой и выверенно робкий писк под дверью отвлек меня от высоких раздумий.

– Если бы хотели, мне бы не пришлось самому себе жарить яичницу! – сурово, но очень справедливо высказался я, – Бездельницы!

Так и живем.

– Мы не умеем готовить! – возрыдали под дверью суровую правду нашего общежития.

– Так идите и учитесь! – направил я заблудших туда, где им самое место после всех этих авантю с газировкой.

– У нас денег на продукты нет! – пискнула самая мелкая из негодяек. Да еще и обиженно так.

Сучка.

– Так идите и работайте! – послал во второй раз нахалок.

– Ты меня из дому не выпускаешь, – злобно пробурчала Алиса, – Тиран!

– У тебя деньги есть, – резонно заявил я, – Ты сиди. Пусть мелкая чешет. Говорят, что труд облагораживает. Ей это нужно.

– Гад! – пищит госпожа Скорчвуд и, судя по всему, стремительно удаляется.

– Злодей. Диктатор, – мрачно роняет Алиса и тоже утопывает в даль.

Вот прямо так её и держу в подвале, чтобы работала на благо нашего города, ага. Сама не вылезает, задротка. Хлебом не корми, дай с гоблинами в игрушку порубиться. Обожрется кофе и всю ночь их метелит в какую-нибудь стрелялку, а мне на следующий день Старри звонит и орёт, что у них весь департамент квелый.

Звонок на домашний телефон добил остатки желания сидеть и плевать в потолок. Женщины – они как дети. Ты с них пылинки сдуваешь, не бьешь, не сажаешь в тюрьму, не требуешь долга, а только проводишь легкие воспитательные меры. Они же потом на тебя обижа-

ются, мол, черствый ты и вообще гад. Я поражаюсь разумным, которые заводят дома женщину, выдавая ей еще и права на половину имущества и заработка!

– Аллю? – вежливо сообщил я в телефонную трубку.

– Арвистер! – тут же крякнуло оттуда сварливым голосом старого орка, – Ты занят?!

– Да, как и всегда, – хмыкнул я.

– Слышь, сходи и проверь Гарру, а? Он с утра на звонки не отвечает, – тут же обнаглел орк.

– Это твоя собака, Зого. Ты ей год занимался.

– Засунь свои расистские выпады себе куда поглубже, упырь! Сходи проверь! Это же ваше прикрытие!

– Говно это наше прикрытие. И ты это знаешь.

– Конрад!

Досадливо цыкнув зубом, я бросил трубку. Джарред Гарру, волчер, пропихнутый моим бывшим напарником в Управление, был... ну... волчером. Неумным, несообразительным, недисциплинированным куском волчьего меха, в который были завернут тестостерон и самонадеянность. Мы договорились с Эльмдингером, что старый орк за полгода сделает из этой прямоходящей собаки нечто путное, но наш пенсионер явно отработал спустя рукава.

Хотя, что я могу знать? Я Джарреда уже месяца четыре не видел. Может быть, его там напарник убил?

Пройти нашу Малиновую, не улицу, а просто тупик какой-то, труда не составило. Наблюдатели сидели в доме напротив моего и считались, в принципе, группой скорого реагирования, хотя на самом деле давно уже работали сигнальными смертниками. В смысле, они должны подрываться, когда у меня сработает сигналка, а я им сюда забабахал свою, чтобы подрываться, когда группу в очередной раз убьют. Ну а что? Одну уже убили. Морда Гарру, когда он услышал это мое объяснение, была неповторима.

Впрочем, морда напарника волчера, полугнома средних лет, небритого и злого, сейчас тоже была хоть на конкурс вывешивай. И было от чего. В доме, где должны тихо и скромно сидеть два вооруженных и опасных представителя Управы, сейчас всю пасло кровью рэтчеда и бухлом.

– Вы тут совсем берега попутали, гаврики? – с ходу наехал я на полугнома, несмотря на то что тот был трезвым и недобрым.

– Арвистер... и без тебя тошно, – фыркнул, убираясь с прохода, оперативник, – Эта тварь с утра лакает как не в себя. Из последних сил держусь.

Гарру валялся на диване в полностью невменяемом состоянии. Пасть волкочеловека была безвольно раскрыта, длинный розовый язык свешивался из неё, с него капала слюна, уже набравшаяся на целую лужицу на полу. Зрелище было отвратительным.

У всех трех рас-регенераторов сложности с употреблением алкоголя. Мы, вампиры, просто замедляем свои регенеративные процессы, а затем, нажравшись, отпускаем контроль, восстанавливаясь так, что даже не болеем. Тролли делают проще – они не пьют, слишком дорого выходит на их массу. Остаются волчеры, но тут их спасает некоторая фишка их деградировавшего волколачьего организма – он не переносит «неправильной» крови. К такому относится то, что течет в моих жилах и то, что заменяет кровь рэтчедам, людям-крысам. Только если кровь вампира наглухо травит волчера, то вот зловонная крысья жижа просто вырубает им регенерацию.

И дает возможность нажраться. В данном случае – в полный антропоморфизм. Ваще в сопли!

– Рассказывай, – говорю я полугному, – Он наверняка бухал не молча.

– Ничего я тебе рассказывать не буду! – бычится гордый представитель одной из самых вредных пород в городе, – Я доклад писать буду! Вали уже, вампир!

Действительно, на удобном кофейном столике разложены листы бумаги и писчие принадлежности. Пока еще не бывшие в работе.

– Слышь, парень, – скучающим тоном говорю я, – У вас залет с самого утра, а ты доклад не писал. Не хочешь вкладывать напарника, понимаю. Знаю, что это запахло. Но при этом, ну, между делом, вы нас вложили на целый день. На голубом глазу. Так что давай так – опиши мне ситуацию, а я попробую её решить. Не выйдет, так помогу тебе закопать эту бухую собаку так, что тебе никто слова дурного в Управлении не скажет.

Недолго мучилась старушка. Полугном явно не был в восторге от Джарреда, как и все остальные, кто был с Джарредом знаком, так что раскололся быстро и качественно, благо что завываний надирающегося волчера наслушался на три жизни вперед.

Всё было до боли в зубах банально – нашему бравому волчеру наставили рога. Та самая внучка Эльмдингера, у которой он жил, которую он чпокал, и ради которой бросил свою стаю. Причина? Еще банальнее! Муштра старого орка, режимные бдения на объекте, отсутствие стаи – этого вполне хватило, чтобы у мохнатого начались некоторые проблемы в интимном плане. Ну ладно, не некоторые, а большие. Это молодого здорового волчера ввело в совсем уж глубокий катарсис, а потом и рога прорезались.

– Я как мужик его понимаю, – признался мне полугном, дёргая щекой, – Но сука, ты же не посудомойкой работаешь! При чем напарник-то? Не я трахал его бабу, а страдать кому придётся? Кому?

– Мне, конечно, – скривился я, прокусывая себе подушечку мизинца, – Притащи жратвы, а? Для этого кретина? Сейчас попробуем вернуть его на этот свет...

– *El'Snorrds'Ev-kris-sin! Kilnm!*

Тридцать лет, как кажется, совсем срок недолгий. Не успеваешь глазом моргнуть, как он проходит. Вчера, сегодня, тридцать лет... нет, не в этот раз. Не с тех пор, как я осел в Омниполисе. Пелена с глаз спала, мозги чуть-чуть проснулись. И те тридцать лет, которые я прослужил с Зого Эльмдингером стоят пары часов времени, которые я собираюсь потратить на волчера по имени Джарред Гарри. Кроме того, есть еще один момент.

Даже такой циник и гад как Конрад Арвистер не может не уважать силы любви, способной заставить волчера отказаться от стаи.

Поэтому я снял плащ, жилетку, рубашку и даже майку.

Вытащив магией из туши волчера крысину жидкость, я принялся радовать полугнома редкой картиной вампира, разрывающего пасть плачущему волчеру. Не в буквальном смысле. Я просто ломал шерстяному дурню всё, до чего мог дотянуться, попутно впихивая в эту самую пасть куски мяса. Эдакий легкий и ненавязчивый фистинг, но по самые железы. Собака писала, собака плакала, но процесс шёл. Хорошо, что в ванной и я не побрезговал эту шерстяную сволочь раздеть. Боль, ужас, страх, ощущение разработанного горла и, до кучи, моё жизнерадостное лицо быстро вывели из пустой башки Джарреда Гарри плохое настроение и подавленность, но останавливаться я и не думал.

Избив его несколько раз подряд в той же самой ванной, я когтями пять раз подряд срезал чувствительную черную носопырку охреневающего от этой жизни волчера, придушивая его каждый раз, когда он начинал регенерировать утерянное. После второго раза раздались звуки блюющих полугномов, а после пятого раза напарник волчера стал просить у меня пощады. Её, конечно, не было. Мне нужно было тотально переформатировать мозги дурной собаки – и я этим занимался.

К концу силовой части процедур меня уже боялись оба.

Затем наступила очередь лекции, как промежуточного звена между зверским избиением и душевным разговором. После последнего я, с чувством наполовину выполненного долга, вышел из этого дома и пошёл в следующий, расположенный слегка за городом.

– Ты? – удивилась открывшая мне дверь внучка, – А где...

– Пошла нафиг с дороги, – выдал я молодой орчанке с крупными сиськами большого такого щелбана, от которого она отлетела назад, падая на неверную задницу, – Шлюха!
– Арвистееееер!!! – тут же раздался вой контуженного в жопу слона в кресле-коляске.
– Эльмдингер! – в ответ проскрежетал я, заставляя орка встревоженно заткнуться, – Мы с тобой, дружище, сейчас плотно пообщаемся о качестве воспитания молодежи, которая волей судьбы оказалась в твоих старческих и очень кривых лапах! Очень плотно!!

Глава 3. Разница потенциалов

– Тридцать два года и шесть месяцев. Вот сколько тебе должны были дать за нападение на сотрудников Управления, Арвистер! – дёргала щекой Эмма, размахивая пачкой бумаг, – И я просто молчу про Эльмдингера! То, что ты сделал с ветераном...

– Заявления, – фыркнул я, – Хочу видеть хоть одно заявление. Не копии счетов от логистов не пойми за какой год. И не пойми за что.

– Я тебе счет от психиатра за свержурочку пришло! – погрозила застигнутая на блефе начальница, – Кровопийца.

– Эмма, – вздохнул я, садясь на краешек стола начальницы, – Вот объясни мне – почему все пытаются проехать на моей бедной шее? С какого перепугу ты, одна из самых опытных управленцев в этом здании, вешаешь охрану чрезвычайно ценного объекта на двух зеленых оборотов? Где нормальные ребята?

– Нормальных та шлендра упокоила, которой ты голову оттяпал, – качнула рогами и крыльями Старри, – Точнее не ты, а твой дом. Вот и садим...

– Приманку, – кивнул я, – Которую залетный фраер ломает голыми руками. Причем полугнома я даже не трогал, он сам сдулся чуть ли не до слез.

– Не свисти, Арвистер, – неожиданно поникла моя собеседница, – Просто... свали. Я не понимаю, как ты смог поломать троим разумным жизнь так, что они даже на тебя стучать не хотят, но хотя бы меня оставь в покое! Знал бы ты, как я мечтаю от тебя избавиться!

– Ну так уволься, Эмма, – ласково посоветовал я, – Ты же можешь. Это я не могу.

– Да я скорее тебя убью! – моментально ожила девушка, зажигая огни в глазах, но я уже выскакивал из кабинета.

Вот ей шило в заднице провернулось вызывать меня ни свет, ни заря. Впрочем, кто-то успел и пораньше. Не успел я сегодня из дому ответить на звонок злоущей Эммы, как мимо меня гордо и молча промчалась Анника Скорчвуд, нечесаная, плохо застегнутая, но очень деловитая. Выбежав на свободу, она скрылась в неизвестном направлении еще до того, как часы пробили семь.

Женщины.

Сам я, избавившись от общества начальства, сел на автобус и уехал, куда глаза глядят. Смотрели они у меня в сторону одного интересного заведения, о котором я узнал от Шпильки буквально неделю назад.

Клуб «Все святые».

На самом деле, здание бывшего оперного театра, закрывшегося лет десять назад, никаким клубом не было, а представляло из себя неудобное строение в районе порта, оккупированное очень интересными личностями. Целыми группами интересных личностей, которых на районе оказалось куда больше, чем ценителей оперы. Та, кстати, банально завяла с приходом телевидения. Не то чтобы разумные, еще полвека назад жарившие конину на углях, вдруг стали ценителями новостей и прогнозов погоды, но так как по телеку еще показывали и порнуху в ночные часы... скажем так – у оперы не было шансов.

Так вот, в здании завелись... всякие. Омниполис богат на тех, кто с восторгом вцепляется в какой-нибудь яркий кусок цивилизации, а затем вязнет в нем как зубами, так и остальными

частями тела. Хиппи, рокеры, христиане, буддисты, рэперы, веганы, контрабандисты, смиренные сумасшедшие, художники, певцы... можно перечислять бесконечно. Вместо оперы наступил абсурд христианского ковчега, в котором было каждой твари по паре. Полиция, кстати, не возражала ни разу – всем было максимально удобно, что столько чудиков так компактно собралось в одном месте.

Они даже территорию убрали!

«Все святые» выглядели очень прилично. За небольшой огороженной территорией, между забором и колоннами слегка потрепанного временем здания, не было ни листочка мусора, ни кучки какашек! Асфальт, дерн, да тут даже бордюр был свежей меловой краской покрашен!

– Какая прелесть! – хмыкнул я, топая к главному входу. Видел подобные здания в Нью-Йорке, в Торонто и Чикаго, так они были засраны граффити и кучками дряни целиком и полностью. Да, и продолжали показывать оперу!

Внутри оказалось не менее чисто и опрятненько. Потертые ковровые дорожки и засохшие фикусы в горшках говорили, что роскоши можно не ждать, но что и за порядком тут следят хорошо.

– Приветствую тебя, брат! – жизнерадостно, но негромко проговорил дружелюбно скалящийся из-за стойки фойе толстый орк средних лет, – Прошу тебя, не обнажайся предо мной!

– Ч-чиво?! – сдавленно спародировал я удивленную Алису.

– Низко надвинутая шляпа, застегнутый бежевый плащ, руки в карманах, – правильно понял меня толстый орк, продолжающий улыбаться во всю свою немаленькую пасть, – Ты же из тех братьев, кто любит внезапно обнажать свое тело перед не готовыми к этому зрителями?

– Кххх..., – подавился я, но затем, справившись с собой, уточнил, – Нет, я вампир. Сегодня солнечно.

– О да! Чудесный погожий денек! – выдал дружелюбный орк, улыбнувшись еще шире, а затем до его межзубного ганглия дошла, видимо, вторая порция информации, потому как он осунулся, выпучил глаза и решил скопировать меня, – Вамп-кххх...

– Я пришёл с миром, – сообщил я орку, снимая шляпу и широко улыбаясь в свою очередь.

– Ага..., – погрустнел привратник, пряча глаза и слегка бледнея ушами.

Интересно, вот почему такая реакция? Вампиры не питаются в Омниполисе, тут слишком ненасыщенные разумные живут. Взять с них, в общем-то, почти нечего. Зачем на новом месте жительства плодить легенды и слухи, которые ты притащил с собой из своего захолустья, вот зачем? Оставь прошлое в прошлом, ты же начинаешь новую жизнь, ты приобщаешься к цивилизации...

– Слушай, оркфолк..., – попытался не тянуть когти за яйца я, облакачиваясь на стойку, – Мне бы...

– Степшард, здорово! – внезапно разразилось пространство от входной двери радостными воплями, – Привет, Степшард! А это мы! А мы к себе! А хочешь с нами?!

Коллекция разномастной молодежи, утыканной пирсингом так, что официантки «Отвернувшегося слона» влились бы как родные, ввалилась в бывший оперный театр, громко и радостно вопя нечто жизнеутверждающее и невнятное.

– О! – на меня удивленно выпучилась юная гоблинша, на чьих развесистых ушах металла было с килограмм, а то и два, – Смотрите! Этот!

– Который? – спросил, по-хозяйски обнимая её за талию, отчаянно крашенный в блондина полугном. Одетый сплошь в черную кожу с заклепками.

– Ну в плаще! – гоблинша была не очень трезвой, но очень активной, – У него под ним хер!

Так, эти инсинуации начинают мне надоедать...

– У тебя под плащом хер?! – строго спросил меня выкрашенный в блондина полугном, одетый в черную кожу с заклепками.

– Да, – сознался я, слыша тихий, но очень прочувствованный скулеж орка по имени Степпард. Остальные панки и прочие хои, заинтересованно прислушались к нашей беседе.

– Слушай, мужик, – неожиданно прочувствованно заявил полугном, – Ты уже третий заходишь. Ну нету тут ваших, нету!

– А моих нигде нету, – грустно покивал я, извиняющейся *улыбаясь*, – По чужим бегаю, вот.

Вот тоже странно. Гоблиноиды, ну то есть орки и тролли, могут похвастать нехилыми такими зубищами, но их никто не боится. А вот вампиров боятся. Какие предрассудки, честное слово. Вон как бледнеют и трезвеют, аж за бухло жалко.

– Дядя..., – пролепетала гоблинша, звеня ушами и отступая, – Не надо, дядя...

– Да хватит вам, чего вы, – я даже смутился, видя такую общую реакцию у молодежи, – Я же быстро...

Хотел сказать «доспрошу Степпарда и уйду», но, видимо, надо было лучше выбирать слова. Пирсингованная компания, испустив хоровой вопль ужаса, ломанулась на улицу, едва не снеся по дороге двери.

– Молодежь, – с досадой обернулся я к бледному орку, – Не умеют дослушивать старших.

– А-ага, – выдал из себя орк.

– Ну так вот, оркфолк, все очень просто. Мне нужно найти священника, сбежавшего из церкви. Понимаешь меня? Просто найти. Просто покажи мне, где я могу о нем поспрашивать... ну или скажи сам, если знаешь. После этого я очень просто уйду отсюда вот этими ногами. Никого не буду кусать, убивать, угрожать и бить. Плащ только расстегну... эй, ты чего! Да одетый я под ним! Ну что тут за извращенцы-то!

Как ни странно, вид брюк, жилетки и рубашки успокоил привратного Степпарда достаточно, чтобы он даже начал бурчать. Не сакраментальное вахтерское «ходят тут всякие», а скорее местное «опять эти верующие воду мутят и нарушения совершают, что к ним аж вампира послали». Священников Степпард не видел, да и не отличил бы такого от простого смертного, так что, товарищ кровопийца, если не шутите, то поднимитесь, пожалуйста, по вон той лестнице до самого верха, а там, в огромной мансарде бывшего театра, как раз и ютятся ваши отморозки.

– Это какие? – решил уточнить я.

– Верующие, – отчитался мне орк, – Пьют совсем мало, поэтому и сидят выше всех. И хорошо. Глаза б наши их не видели.

Пропустив мимо ушей намек «убей их всех», я потопал по указанной лестнице наверх. Вся эта неформальская богема одинакова. Только у нас прикольно, а остальные дураки и говном маются. И неважно, что зачитывается вслух – молитвы, рэп или стихи. Эх люди-люди, человеки, что ж вы нас не только хорошему учите...

А на верхнем, религиозном, этаже, смотрю, грязненько, подивился я, делая соответствующие выводы. Мансарда у театра не как у хрущевки под крышей, тут цирк с конями разместить можно, но вместо этого разместили несколько кособоких перегородок из фанеры и дсп, разделив тем самым большое помещение на религиозные общины. Над каждым входом был красиво нарисован знак религии, которой в закутке отдают предпочтение. Разной краской. Эх...

– Шалом аллейкум, православные! – громко гаркнул я, не собираясь тыкаться и мыкаться, смущая народ своей улыбкой, – Вы сегодня Бхагават Гиту хорошо читали?!

На такой призыв тут же стали высовываться рожи различной степени возмущенности, ну и расовой принадлежности заодно. С удивлением опознав среди присутствующих несколько единиц женского пола, причем вполне себе привлекательных, я поискал глазами пастора, но

никого похожего на описание Виолики не обнаружил. Однако, сжимающая в пухлых ручках распятие человеческая бабуся тут же всколыхнула во мне надежду.

Бабушки – они многое знают.

– Ты пошто тут наших чувств не уважаешь?! – сердито нахмурившись, гаркнула бабка, бывшая тут, видимо, в немалом авторитете, – Ты чего только что тут сказанул, ирод?!!

Окружающие тут же поддержали её злобным гудением, быстро набирающим силу. Не давая ему, гудению, перерасти в вопли, я громко и внушительно заявил, что разыскиваю протестантского пастора из *настоящей* церкви по подозрению в коррупции, распутстве, шантаже и вымогании денег у паствы. Поэтому, товарищи верующие, либо вы отвечаете на вопросы мне, простому и честному вампиру из Управления, либо я возвращаюсь сюда... нет, не с орденом. А с ангелом.

– ...который вас всех внимательно выслушает! – с угрозой в голосе протянул я, имея в виду падшего алкоголика Валеру, управляющего таверной.

– Не надо! – прохрипела испуганно бабка, закрываясь от меня крестом, как от вампира, – Не надо ангела! Мы все расскажем! Не надо!

Интерлюдия

Рюмка была крошечная, грамм на двадцать, зато заполненной кристально чистой водкой.

– Аидов вампирфолк! – выругалась Анника, вливая в себя алкоголь. Проглотив дозу, она коротко кхекнула, шумно втянула носиком воздух, а затем звонко воткнула в поверхность стола один из своих клинков, поворачивая голову к наблюдавшему за ней существу и угрюмо скаля зубы в вопросе, – Проблемы, капуста? Обеспечить?

– Н-нет! Не надо! – моментально сдувшийся юный полугоблин, с усмешкой наблюдавший за бухавшей маленькой полуэльфийкой, тут же испарился с глаз долой.

Ущерб мелкий. Шпилька за версту чужла тех, кто собирается к ней подкатить потому, что она так похожа на подростка. Таких извращенцев она на дух не переваривала даже тогда, когда в голове плескалось бухло, а между ног зудело как будто бы мылась с месяц назад. Нееет, таких шакалов в помойной яме топить надо. Она таких... ненавидит.

Не за пристрастия, за отношение.

Вампир прекрасно об этом знал. Великолепно. У него со Скорчвудами есть пара секретов в заглазнике. Конрад знает о том, как она не любит, когда с ней обращаются как с малолеткой, а она и Шегги о нем знают кое-что другое. Правда, к огромному огорчению сегодняшней подпитой Анники, отнюдь не позорное.

А он... он...!

Он её наказал. По заднице.

Надо еще водки. Немного, сегодня еще дела есть, но надо.

Наказал. Как девочку. Вел её всю схему, разрулил всю дрянь, что она наворотила, а потом отшлепал по жопе и натравил брата! Обошелся как с ребенком! Она прекрасно знала, что не права, совсем не права, что затупила, поддалась своему тупому импульсу, просто увидела возможность даже не заработать, а пошалить! Просто провернуть под носом у вампира хоть что-то! Завелась от этого, ну!

Если бы он её избил, выгнал из дому, выставил бы на деньги или даже трахнул, и то бы так обидно не было. Девочку-припевочку весело играть с братом и с теми, кто не знает о ней ничего, но вампир бы мог... нет, не мог! Должен был с ней поступить по-взрослому! Как угодно, но только не так! Пусть даже она и заслужила!

Аника никогда не была сильна в самоанализе, а просто злилась на Конрада за то, что он видел её насквозь с самого начала. Она себя вела как ребенок, он с ней повел себя как с ребенком и это её бесило сейчас невероятно. Надавав ей по заднице, прочитав лекцию, он

затем начал делать вид, что ничего особого не произошло. А значит – поставил её ниже котов, которые у них недавно появились! А потом еще и эти пушистые скоты всухую натянули её в нарды! БЫЫ!!!

Она сейчас очень хотела кого-нибудь убить.

– А, вот ты где! – ворвавшийся в таверну Кукер вид имел взлохмаченный и вздрюченный, а когда увидел перед Шпилькой рюмашки, взлохматился и вздрючился еще сильнее, – Слышь! Ты чо, попутала, мелкая?! Забыла, куда идем?!

– Всё я помню, ацтань, – махнула на него Шпилька, отодвигая бутылку, из которой хотела уже было плеснуть еще, – Двигаем или как?

– Ну ты, блин..., – замылся молодой мумук, запуская себе ладонь в лохматые торчащие волосы.

Полулюди-полуминотавры один из самых везучих гибридов, подумала завистливо Шпилька. Всегда человекоподобны, даже рога почти не растут, всегда крепкие, не болят. Чуть тормозные, правда, у парней шевелюра всегда дыбом, ни одна расческа не возьмет, зато у девок вообще по женской части проблем не бывает. Мумуки-девки характером очень спокойные, домашние, сиськи здоровые. Их замуж с руками отрывают. Парней тоже. Только Кукер кривым уродился, авантюрист несчастный.

– Чото мне ссыкотно туда с тобой бухой соваться, – скис молодой мумук, глядя на выбирающуюся из-за стола Шпильку, – В щи ссыкотно, мелкая. Давай замнем, а?

– Не гунди, Кукер, – слегка сломала свой имидж Анника, – Я трезва как стеклышко. Мне куда сильнее приложиться надо, чтобы поплыть. Давай-давай, показывай дорогу.

– Ну не, Шпиль...

– Кукер! – Анника сделала большие и умоляющие глаза, прижимая кулачки к подбородку, – Ну позялуйста! Или я тебе по яйцам дам!

Угроза сработала.

С молодым мумуком Шпилька познакомилась давненько, во времена, когда оба из них бежали у разных банд на посылках. Они, эти посылки, разные бывают, а молодой и крепкий парнишка, способный на своих двоих протащить по городу тридцать-сорок кило не особо ценного груза – желанный гость не только у мелкого гангстера, но и у любого старьевщика. Тем более такой, с шилом в заднице, но честный до отвращения. Только вот собак он боялся, так что несколько раз ему Шпилька помогла, где за немного звона, где за просто так.

Теперь вот, вышла такая оказия, что Кукер мог помочь ей.

Идти им пришлось довольно долго. Промзона, склады, бесчисленные повороты безо всяких ориентиров привели парочку в еще один кабак, настолько же старомодный, каким был «Отвернувшийся слон» у самого дома Анники. Только если в том было чисто, в этом грязи было до сраки. А еще гоблинов. Молодых и не очень. С самыми что ни на есть криминальными мордами.

Здесь Кукер поступил как настоящий джентльмен, спрятав Шпильку за свою немалую ляжку. Видимо, его всклокоченная башка тут была хорошо известна, так как на сопляка никто внимания не обратил.

Однако, подумала Анника. Она несколько лет заходила в Гильдию как к себе домой, но даже там, даже у жмуроделов, таких зловещих рож не видала. Гоблинфолки тут собрались явно не из тех, кто промышляет честным трудом. Там вот, в углу, кажется кому-то пулевое ранение бинтуют...

Мысль, что зря она сюда сунулась, была ей зажата и с ненавистью задушена. Затем Шпилька, спускающаяся за Кукером в подвальную часть кабака, труп этой мысли мстительно распилила, сожгла, а пепел смыла в унитаз. Нет уж, хватит. Если и она сама к себе будет относиться как к испуганному ребенку, то пора идти вешаться. Хоть и придётся привязывать что-нибудь к ногам. Например, тот утюг, что Алиса себе купила. Тяжелый такой...

Попав во вторую из подвальных зал через дверь, услужливо раскрытую перед ней мумуком, Анника Скорчвуд моментально прокляла кровь, доставшуюся ей от отца. Делала она это чрезвычайно редко, только в ситуациях, когда она, эта дурацкая папашина кровь, втравливала её в нечто серьезное.

У всех рас есть что-то своё, что они предпочитают убирать куда подальше, не демонстрируя окружающим. У надменных, высоколобых, набитых магией эльфов такое тоже есть. Очень редко у повелителей Срединных миров рождаются дети, просто отказывающиеся взрослеть. Они даже внешне не шибко-то от детей отличаются. Такая вот прослойка вечно юных и наивных дурачков, радующихся жизни и солнышку, готовых веселиться хоть круглый день. Они наивны, чисты и... просто не умнеют. И не стареют. И не набираются жизненного опыта. Эльфы с приснопамятных времен считали их одновременно блаженными и святыми, составляя из таких детишек племена, носящие название «иллинару» и удерживаемые взрослыми в самых глубоких и защищенных чашах, но после недавних (с точки зрения эльфа) войн, многие из таких детишек в мире потерялись.

Каким образом миссис Скорчвуд, шлюховатая гоблинша, мать Шегги и Анники, умудрилась раздвинуть ноги перед таким вечным ребенком – история никогда уже не расскажет. А хотите знать, что такое эта самая кровь папаши-полудурка?

Аника сейчас вам покажет. Она это большую часть жизни показывает!

– Ой, какие тут дяди собрались! – лягнула Шпилька, всюю и самым детским образом пучась на нехилую компанию что-то перетиравших между собой гоблинов. Очень-очень серьезных таких гоблинов.

Она их очень хорошо знала. Кто не знает Золотой Приплод, самое богатое, самое успешное и самое закрытое объединение Гильдии?

Букмекеры.

Гоблины.

Бизнесмены.

Настолько опасные парни, что смогли не пустить в этот бизнес гномов. Выгрызли его у подземных коротых, несмотря на то что гномы с момента начала застройки Омниполиса звонком чуть ли не срали. Теперь Приплод рулил всем и вся, если на этом «вся» можно было сделать ставку. Игры, бои, соревнования, да что угодно, от детских конкурсов и заканчивая тем, о чем лишний раз не говорят на улицах.

– Шкет, это точно она? – лениво каркнул потертый гобл в изрядно поношенных штанах с крутыми потёртыми подтяжками, – Ты не попутал?

– Не-не, дядя Заврос, это Шпилька, – совершенно спокойно, как будто бы у себя дома, закивал долбаный мумук, – Только она, другой такой нет.

Заврос! Заврос Виккельбан! Председатель Приплода!

Вокруг раздалось гоблинячье реготание. Собравшиеся зеленокожие всюю веселились, повторяя «дядя Заврос» так, как будто бы это было лучшим анекдотом. Шпилька почувствовала, как у неё задница пытается нервно пережевать трусы. Он назвал Председателя дядей! Что может быть круче? Ну если бы она прямо со входа сказала что-нибудь вроде «Привет, гоблинфолк!».

И всё. Совсем все. Больше бы никто Шпилечки бы и не увидел. А ведь хотела!

Гоблинфолк, оркфолк, троллфолк – это ведь всё, по сути, не оскорбления, а так, обо-значение, обращение такое, своёское. Но те ребята, что покруче, считают, что быть фолком запахло. Типа народом и всё такое. А какой из них народ? Нееет, они не народ. За «эльфолка» или «вампирфолка» так вообще можно головы лишиться.

Так вот тут точно бы лишилась!

– Значит, это ты Шпилька, – наконец, бросив добродушно усмехаться, обратился к ней этот потёртый бывалый гоблин, про которого ходило страшных историй больше, чем про любого из жмуроделов, – И ты ищешь работу.

– У вас для меня есть работа?! – этот вопрос был самым адекватным, что крутилось на языке у Анники, поэтому она его выпалила на одном дыхании, старательно пуча глаза и вызывая еще одну волну добродушных насмешек у собравшихся в этом прокуренном зале гоблинов.

Проклятая кровь!

– Да, Шпилька, у нас есть работа для тебя, – жестом попросив Кукера выйти, Заврос дождался, пока за ним закроется дверь, а потом продолжил, – Работа на постоянку. Кое-что взять, отнести, положить в ячейку банка. Как видишь, несложно. Платить будем хорошо, семь сотен в месяц... считай за семь походов. Считай, день работы в месяц. Неплохо, а?

Да это прекрасно, а не просто «неплохо»! Но Анника хоть и кривлялась, но не была такой уж простушкой...

– А что это за «кое-что»? – наклонив голову, она по-детски захлопала глазами.

– Никакого секрета здесь нет, я тебе это, конечно, скажу, – по-доброму, прямо как мумуку до этого, улыбнулся Председатель, – Но я бы на твоём месте задал другой вопрос. Например, «а что будет, если я потеряю посылку»?

– Эээ... – посчитала нужным выдать бессмысленный звук она, а затем, приструнив на мгновение свой дурацкий характер, выпалила, – А можно полный расклад?!

– Можно, – гоблин, самый обычный гоблин, внезапно начинает внушать как полностью серьезный Конрад Арвистер. От смены настроения главной акулы подпольного бизнеса Омниполиса и собравшиеся вокруг него собратья становятся похожи на стаю акул... нет, на свиту акул!

– Расклад простой, Анника Скорчвуд, – негромко, но очень и очень внушительно проговаривает главный букмекер Срединных миров, – Ты знаешь, чем мы занимаемся. Принимаем ставки. Когда ставка выигрывает – её нужно передать победителю. Тебе предлагается заниматься именно этим – относить в банк, в ячейку с доступом-шифром, деньги. Светить своей невинной мордашкой там-сям. За это тебе будет положен хороший звон и крыша от Золотого Приплода, сечешь?

С такой крышей её тронет только самый конченный гоблин из тех, которые даже всеобщего не знают. Из Граильни таких не выпускают.

– Се... ку, – выдавила из себя Шпилька.

– Дело сугубо добровольное, мы играем в открытую, как видишь, – Заврос продолжал давить, – Есть лишь один нюанс – клиент должен получить причитающееся в срок. Он его получит. Но ты ответишь по полной за каждую сигму, которая нам этого будет стоить. И никто тебя не спасет. Ни братец, ни вампир, ни Управа. Никто.

Ей надо было крикнуть «нет» и валить оттуда вперед собственного визга. Так не бывает. Ни один гоблин не предложит щедрую оплату за работу без второго или даже третьего дна. Тем более – не Золотой Приплод.

Вместо этого, она умудрилась вынуть себя из эльфийской придури.

– Почему меня позвали? – лягнула она неживым голосом, – Вы же знаете, какая я?!

Шпилька сама не знала, зачем это вот. Почему она задает этот вопрос, а не уходит. Почему ждет ответа.

– Просрать жабу, перенося её через улицу – это зачет, – губы Председателя дрогнули в усмешке, – Подарить свои отмычки голодной нищенке. Тащить торт Ликду-Опарышу и напороться на обезумевшего от голода рэтчеда... в Омниполисе? Хах, это вообще за гранью, Анника Скорчвуд. Но у тебя есть кое-что, кроме твоей мордахи, дорогуша. Мы, Гильдия, выкинули тебя. Выпнули. Убрали. Мы не имеем с тобой дел. Сечешь?

Она кивнула. Деньги, с которыми Гильдия не хочет иметь что-то общее. Вообще. Попадись она полиции, Приплод скажет, что никто никому ничего не давал. А так и будет. Ей наверняка ничего не станут давать, просто будут говорить место. Этого хватит.

– Вижу, ты поняла, – Заврос хмыкнул, – Ну, тогда решай, милая. Скажешь «нет», и сможешь спокойно бежать домой к папочке-вампиру и брату-кормильцу. Подпишешься... ну, ты не первый день на улицах. Сама всё понимаешь. Семь сотен талеров за три, край пять часов работы в месяц. Ты бы не выжила на улицах, если бы была такой, как о тебе говорят. Взять себя в руки на такое смешное время способно большинство психов.

Её недавно битая задница нервно дернулась от этих полупрезрительных слов.

Акулы смотрели из-за спины своего вожака молча и строго, а она умоляла себя уйти. Плакала, тащилась к двери с видом побитой собаки, шла домой, чтобы сесть там и пить очень сладкий и крепкий чай. Возможно, даже плакать в него по-тихому. Шла-шла, но в реальности даже не двигалась с места, смотря в маленькие строгие глазки одного из самых опасных существ Омниполиса.

Председатель обращался с ней как со взрослой.

Сука...

«Ты просто безнадежная дура, Анника», – сказала она сама себе, а в слух лишь хрипло спросила:

– Когда приступать?

Глава 4. Зазрение совести

Тонкий зеленый пальчик перестал касаться кроваво-красного камня, только что давшего слабую вспышку. Всё, заполнен до краев. Пригодится.

– Че, серьезно? – та самая ушастая пирсингованная гоблинша, лупнув пару раз глазами, несмело сгребла пару купюр с подоконника, на котором мы и проводили возмездно-донорские процедуры, – Вот так?

– Ага, – подтвердил я, пряча Кровавик, – Вот так. Только вы сейчас слегка неправильно рассуждали, оценивая, сколько бухла брать. Половины хватит нажраться. Из-за кровопотери. Лучше пожрать побольше возьмите.

Секундное молчание и проследовавшие за ним крики «живем, братва!», «ура!», «классно!» стали мне чем-то вроде аплодисментов. Сдавшие на благо фронта кровь пирсингованные неформальские дети радовались деньгам на пропой ну... прямо как дети.

– А ты ничего, дядь, – на прощание сказала мне та самая гоблинша, – Приходи, что ли, еще.

Вот так меняется народное мнение. Будь ты хоть самый страшный вампир, но если ты пришёл в общество, дал по рогам главным бузотерам, а потом еще и заплатил за что-то, то быстро становишься милым и своим! Эдакая мрачная, но позитивная аура антигероя, сурового, страшного, но справедливого. Вон даже Степпард расслабил булки и стоит, заинтересованно поглядывая на подростков, пересчитывающих уже сложенные в один банк бабки.

– Всем пока! – махнул рукой добрый и щедрый Конрад Арвистер, а затем вышел из здания.

Путь мой лежал обратно в церковь, в которой, на момент моего прибытия, всю шла служба. Ну, как шла? Вставшая за кафедрой Виолика, обложившаяся шпаргалками и записками так, что те аж свисали по бокам, запинаясь и бубня себе под нос, начитывая с них что-то немногочисленной пастве, представлявшей из себя трицу кислых хмурых старых дев предпенсионного возраста и... неплохой такой кучке из десятка мужиков-полукровок! Вот те слушали (а еще и смотрели) с прямо-таки серьезным вниманием! Хотя, думаю, что только смотрели, потому как на невесту божию смотреть было приятно.

Особенно один молодой гоблин пялился, причем не с вождением диавольским, а за каким-то другим бесом. В его кривой и носатой физиономии мне чудилось вдохновение и озарение.

– Ну как... нормально было? – вымученно выдохнула одержимая монашка после того, как прихожане уперлись по своим делам.

– Отвратительно, – честно ответил я, – Но если будешь отрывать глаза от шпаргалок, побольше улыбаться и заузишь в талии рясу, то вполне может и прокатить. Только повторяюсь – пока мы не найдем книгу, не устраивай здесь бордель. Сегодня охотников не было, но завтра они вполне могут появиться.

– Не появятся. Проповеди дважды в неделю, воскресная служба в воскресенье, – тоскливо пробубнила носительница демона, – В остальном я совершенно свободна.

– Вот и репетируй. А пока, дорогуша, у меня к тебе два вопроса. Первый – вернулся ли разум к тем призрачным мертвецам, что тебя окружают? Им вопросы хоть какие-то задать можно? Плюс второе – что ты можешь мне рассказать о квартире нашего пастора Заккери?

– Впервые о ней слышу, – недоуменно хлопнула ресницами одержимая, – Он уходил часто, но всегда ночевал тут.

В смысле прелюбодействовал нашу заказчицу, не отходя от кассы.

– Тогда идём, будем искать адрес или хоть какой-то намек на него, – вздохнул я.

Ну вот что еще мог бы сделать святой отец? Монашка его пугает, он несется в родную хату, начинает оттуда вызывать охотников за нечистью, а затем, запершись на все замки, сидит и молится. Логично? Логичнее некуда.

Келья нашего нетипичного пастора представляла из себя крохотный закуток, состоящий из одной большой кровати и нескольких забитых книжных шкафов. Везде валялось множество помятых бумаг с записями. Хорошее освещение и... зеркало на потолке. Большое такое.

– Гм, – только и сказал я.

– Бумаги – это я, – призналась монашка, заползая на кровать тылом ко мне, – Искала как проповедовать. А чо теперь искать?

– Почтовые отправления, – не отрывая взгляд от изящного тыла, обтянутого рясой, под-сказал я, – Всё, связанное с адресами.

– Вот прямо так и начнем? – зад недоуменно вильнул в понятном намеке.

– Прямо так и начнем, – проявил я целомудрие.

Не то чтобы. Имея дело с демонами важно знать, что они всё оценивают по критериям «ты мне, а я тебе», теория обмена для них не пустой звук, как минимум поначалу, пока они еще такие наивные и глупенькие. Соблазнившись на Виолику, я точно потеряю текущее преимущество в наших отношениях, чего делать категорически не стоит.

Ну, то есть, почему такой парень как я помогает демону вроде неё, без аванса и, можно сказать, чистосердечно? Потому что демоны не просто так стремятся к одержимости! Они, забирая чужую тушку и живя её жизнью, взаимодействуют с мозгом и памятью отдавшегося им дурака, набираются жизненного опыта, усложняют свою структуру и мышление, даже растут в силе. То есть, потенциально, могут когда-либо стать ценным союзником, уже обладающим по отношению к тебе определенным кредитом доверия. А раз я бессмертный, она бессмертная... ну, вы понимаете? Нам, ужасным монстрам, лучше держаться вместе.

Шегги бы не одобрил.

Пока мы рылись в бумажках, перебирая их, а заодно и откладывая те, что могут принести пользу в дальнейшей деятельности Виолики, меня грызла подспудная мысль, что я сейчас упускаю из вида кое-что очень важное. Куда важнее, чем развратная монашка на чужой и давно не стиранной постели. Что это могло бы быть?

Зеркало на потолке. Зеркало. На потолке. Большое такое. Монтировали давно, видно по патине на изящной оправе, обрамляющей эту красоту. Мы все знаем, зачем нужны такие зер-

кала. Интересно, но слегка не то, что меня волнует. Половые пристрастия Эммануила Заккери никак не связаны с его... стоп.

– Говоришь, ты его напугала..., – задумчиво обратился я к вновь оттопыренному заду монашке, зачем-то шарящей под шкафами, – ...а он, вместо того чтобы с криками убежать из церкви, сначала кинулся к сейфу, выгреб из него всё, а потом только ломанулся на выход?

– Ага, – простодушно ответили мне из-под шкафа.

Это «жжж» неспроста.

Точно. Место, которое должен иметь любой уважающий себя пастор. Пятачок, чтобы преклонить колени и распятие на стене! Где? Где его личное молельное место?!

– Не видела такого! – честно ответила мне фиолетововолосая фемина, тащащая из-под шкафа плоский широкий чемодан со множеством застежек, – Он с утра не молиться любил. Ну, то есть я, то есть она, типа на коленях, а он...

– Какой странный у нас тут пастор..., – пробурчал я, отбирая у монашки добычу.

В щи нетипичный.

Про чемодан и говорить нечего. Парики, краска для волос, профессиональный актерский макияж, специальные валики, закладывающиеся за щеки, и... набор писем, перетянутых резилочкой.

Ага!

Черт! Шифр!

Стоп, мне же адреса нужны. Адреса есть, один, омниполисский, часто повторяется. Понял-принял, но... шифр!

– Так, я эти бумажки забираю, – решил я, – Никому не говори, что они тут были, хорошо?

– Да никто и не спросит, – пригорюнилась пыльная девушка, – Кому я тут нужна.

– Может быть, не только охотникам, – фыркнул я в ответ, – Учítывая, что мы нашли.

– А что мы нашли? – озадаченно лупнула глазками монашка.

Какая прелесть. Она невиннее Шпильки! Кстати, похожа на неё, разве что перед этой особой вопросы секса или убить кого по голове лопатой вообще не стоят. Может и у Виолики в предках отметился иллилари, «вечный ребенок»? Хотя нет, о чем это я.

– Не забивай себе голову, – погладил я одержимую по указанной части тела, частично избавляя её от пыли и паутины, – Сиди тут, учи проповеди, старайся вникать в то, что говоришь. Там концепция простая – просто ври, что всё хорошее будет после смерти, а пока надо поднапрячься и жить...

– Не будет, – наблюдая, как я стираю ей с макушки пыль, уверенно произнесла монашка, – Будет...

– Тсс... Тебе выживать и работать надо, а не правду говорить. Поблагодари карму, что это Срединные миры, тут даже монахиня на проповеди и то канает...

Убравшись из дома господнего, я заковылял к себе на работу. Недавно вышло так, что ваш покорный слуга изрядно насобачился с неким шифром, взламывая девичий дневничок одной главврачицы, так что слегка тему криптографии курил. Найти в церкви старый добрый малый набор шпиона было совсем не тем, на что я рассчитывал этим погожим днем, так что решил озадачить и наших умельцев из Управления. Блюститель я или нет?

– Откуда это у тебя? – хмуро поинтересовался хмурый полугном из отдела внутренней безопасности, держа в руках принесенные мной бумажки.

– Нашел! – беззаботно ответил ему я, улыбаясь во все зубы, – Смотрю – шифр. Сразу к вам.

– А может дальше пойдешь? – бумаги были протянуты мне назад, а на морде служащего возникло хитрое и слегка просящее выражение.

– Не-не-не, я уже визировал их на проходной! – оскалился я, – А то вдруг вы из них самокрутки накрутите, где тогда моя премия будет?

– Сволочь ты, Арвистер, – грустно вздохнул безопасник, – Еще дедушка говорил, чтобы я с тобой не связывался.

– Мир его праху, – благочестиво покивал я.

– Эй, он жив! – справедливо возмутился полугном, – Еще тебя переживет!

– Жив? Хм... Хромакер, что ли? – вспомнил я одного чистокровного гнома, – Гурберт Хромакер?

– Ага, – самодовольно кивнул полугном, – Он.

– Помню-помню, зачетный тип был, – снова закивал я, – Пытался тут найти зацепки для своего клана. Типа влияние в Управе увеличить. Мы над ним три года втихую ржали и ставки делали! А та история, где он подкупил уборщицу, но случайно оказался в пятницу закрыт в подсобке на все выходные со швабрами и ведрами... Ой не могу, до сих пор смешно. Тебе, как родственнику, открою секрет – это не беляши были виноваты, что он срал в ведро дальше, чем видел, это я ему кое-что в кофе подсыпал! Чтобы этот великий шпион не скучал все эти дни!

Полугном слушал, будучи уже бурого цвета, а пачка писем в его руке медленно и уверенно деформировалась в комок чего-то несуразного.

– Арвистер! Ну зачем ты ему про Хромакера рассказал! Ну что ты за гад-то такой! – возопили свидетели из соседних отделов. Ну те из них, кто был достаточно стар, чтобы помнить эту историю.

Обычный гад, который будет совсем не против, если кто-то в Управе похерит ценную улику, а не начнет мне потом задавать вопросы, связанные с обстоятельствами, при которых я достал эти письма.

– Увидимся, вампир! – выплюнул совершенно бордовый полугном, удирая к себе в отдел. Наверное, будет мстить. Возможно, это будет весело.

Выполнив свой долг и заглянув к одной знакомой бывшей секретарше, чтобы изгнать из головы задницу монашки, я с чувством выполненного долга поехал на лифте вниз, мечтая как можно скорее попасть домой, чтобы распить бутылочку винца. Обычного такого винца, только настаивающуюся у меня уже неделю под одним интересным ритуалом. Шесть тараканов там в жертву Мыглимму принес, вкус винца должен быть очень неплох! А домой я попаду только после того, как нанесу визит пастору.

Пришлось, правда, слегка отложить. Как только я попытался выйти из фойе на свежий воздух, меня попытались сбить врачи с каталкой, на которой металась в бреду верхняя половина Эммы Старри. Нижней рядом нигде не было...

– Прочь! – рявкнул полуорк в белом халате, держащий пакет с какой-то черной жидкостью, поступающей по катетеру внутрь моего босса, – Все прочь! Немедленно!

Орал он не на уже отпрыгнувшего меня, а на толпящихся у лифта офисных клуш разного пола, которые, встав, где им удобно, всю шелкали клювами на такое редкое зрелище. Загородив, разумеется, двери в лифт своими бестолковыми телами.

Вот что ненавижу – то ненавижу. Искренне.

Зевак.

– **ПРОЧЬ, МЯСО!!!** – шарахнул я изо всех сил направленным ужасом вампира по этим долбоклюям, моментально просяживая в такой выплеск большую часть своих сил.

Особая магия рыка повелителя крови, как и всегда, оказала на живых и дышащих своё волшебное влияние – каждому из них на животном уровне захотелось подышать и пожить где-нибудь подальше отсюда. Произвольная дефекация и учащение кошмаров прилагаются, зато еще одна жизнь спасена героическим Конрадом Арвистером!

...ну, по крайней мере получила свободный доступ в лифт. А там дальше все в руках врачей, пакета и мотора, поднимающего её в госпиталь.

Нет, я бы побежал наверх, волноваться и всё такое, но вы знаете, что такое – резкий отток сил у вампира? А я ведь выдохнул на наших баранчиков весь оперативный резерв своей силы. Без которой мы, как и вся приличная нежить, рассыпаемся...

Так что мне срочно надо было посидеть, подумать, прийти в себя. Достать из широких штанин...

– Конрад... Арвистер...

Увы, сегодня был явно не мой день. На ступенях Управления уже сидел один несчастный изможденный вампир, правда, в кожаном плаще, а не в таком как у меня, уютном и бежевом, из отличной шерсти.

– Эрих... Паганини..., – прохрипел я, падая задницей рядом с собратом. Тот по нуарности делал меня как стоячего, потому что сидел без руки, да еще и с мордой, потрескавшейся от чрезмерного перерасхода сил. Вот как конкурировать на таком поле?

В жопу имидж.

Эрих Паганини, этот молодо выглядящий (в нормальном состоянии) вампир, был вторым с конца силового рейтинга среди всех половозрелых представителей нашей расы, но только из-за своего смешного возраста. Парню было лет сорок, а кроме этого, он еще и не являлся фанатом перекусить живыми. Пока что не является. Из-за остатков человечности, он является одним из самых востребованных напарников для смертных Блюстителей, предполагающих, что им в месте назначения могут прищемить хвост.

– Собрат, в черный день я зываю..., – начал мямлить практически неадекватный вампир, еле удерживающий себя на этом свете.

– Да замолчи ты, – шлепнул я ему в руку свой Кровавик, едва при этом не упав мордой на коленки, – Впитывай.

Мне нужен ёж. Нормальный такой домашний ёж, крупный и фырчавый. Злой как три собаки и кусочий, ну, чтобы девки себя потише вели. А в общих чертах, он бы мне пригодился, чтобы я на него ссылался каждый раз, когда всё понятно.

Потому что даже ежу понятно, что Старри и Паганини огребли в одном месте. А раз Эрих сидит тут, то значит, что именно он выволок половинку нашего босса из того места, куда она определенно сунулась еще целой.

Камень решил, что сегодня надо брать пример с Конрада Арвистера, поэтому, темнея в руке неудержимо и мощно высасывающего из него силы вампира, он попросту сказал «кря» и раскололся на несколько кусков.

– Ой, – вяло отреагировал стремительно возвращающийся к жизни Эрих.

Я тоже не промолчал, несмотря на то что голова кружилась, потроха тряслись, а сердце выплясывало джигу-дрыгу.

Не мой день. Ладно, чего уж там. Запишем на свой счет еще одну спасенную жизнь. Либо самого вампира, либо того несчастного живого придурка, который подошёл бы к Эриху на расстояние вытянутой руки, если б не было меня. Мы, кровососы, жить очень любим, а знаете, кто любит жить даже больше нас? Наши тела. Они на такое способны перед смертью...

– Вот так? – Эрих очухивался медленно, несмотря на ударную дозу жизненной силы, – Без... условий... долга? Без...

– Хватит тебе, – поморщился я, – Камень вернешь. Побыстрее только. А так – вы же на работе пострадали? Где вас угораздило?

– Не... ожидал... от тебя.

– Эрих, тебя послать? А от кого бы ты ожидал кроме меня? От Ваккуша? От Юргена? От Сарката? Сиди и радуйся жизни, только объясни, где вас так приплющило, чтобы я туда не сунулся.

– Старри нашла подозреваемого. Гном... какой-то. Дургин Калофф. По вашему делу, тому, что с троллем было... с твоим птенцом. Она выяснила, в каком мире он прячется, позвала меня, и мы... пошли.

Это была печальная история о том, как утопающая (в собственном воображении) карьеристка нашла выход на одного из моих подозреваемых (о котором я давно и благополучно забыл). Встала на след, узнала, где живет, а затем свистнула ближайшего вампирюгу и пошла брать.

Дура.

Дургин Калофф, гном, натянувший собственный клан аж до шелчка, удрал не куда-нибудь, а в один из миров Пара, где сразу же со свистом пристроился в каком-то преступном синдикате, которые в мирах паровых машин плодятся как крысы. Для обслуживания огромных механизмов требуется много-много маленьких живых людей, а те имеют привычку быть недовольными, работая за еду, поэтому то и дело объединяются в синдикаты и профсоюзы. А заодно и привлекают разных контрабандистов, безумных ученых и даже цыган. Назвать эти подземелья опасными – низко пошутить. Отряд спецназа из Нижнего мира там бы даже крысы сожрали. На подходах.

Но, разумеется, полудемон и вампир прошли как к себе домой. Ворвались, танцую, в новое логово Дургина Калоффа, шагая по трупам крыс, цыган и бандитов. Но напоролись на минотавров.

– Туда гномы продавали тех, кто подсел на наркоту, – тихо рассказывал мне Паганини, – Клань же озабочены своим имиджем, а миносы всегда были падки на разную дрянь. Вот там её жрать можно сколько угодно, синдикаты не привередливы. Только здесь всё было не так.

Когда на Эмму и Эриха набежали обколотые и нанюханые здоровяки, наша красотка и её уже обожравшийся потихоньку кровячки приятель только обрадовались. Но зря. Во лбу каждой угашенной коровы с топором светился голубой символ...

– И они вас так уделали? – не выдержал я.

– Нет, не они, – мотнул головой мой сородич, – И даже не следующий, кто вылез. Очень большой, очень искаженный минос. С механической рукой, безглазый, уродливый... Было трудно, но мы их всех убили. Дургин нас так.

– Гном? – охренел я.

– Гном, – кивнул спасенный вампир, – Обычный гном, размахивающий секирой одного из дохлых минотавров. У него во лбу ничего не светилось. Только спина. Белым.

Опа.

– Деталей, извини, не расскажу, Конрад. Старри будет решать... если выживет. Пойду в госпиталь. Нужна кровь. Ты со мной?

– Нет, дома отопьюсь, – отбрехался я, с трудом вставая на ноги.

Почему-то мне не хотелось знать ответ на вопрос «выжила ли Эмма».

Пожалел ли я о своем гордом уходе? Еще как. Что бы у нас в потрохах не бултыхалось, оно крайне негативно относится к резкой растрате «на всю котлету». Выданная мной импульсом волна ужаса была самым криворуким, самым диким и самым дурацким методом растраты вампирических сил. Проще говоря, я потратил всю канистру бензина, чтобы зажечь маленький костерок. Благодаря шоку и частичному омертвлению легко получилось выдержать неспешный разговор с ломателем Камней-Кровавиков, но подъехав к дому, я уже ощущал неистовый крышесносящий голод полумертвого вампира.

Как назло, перед порогом хаты терся очень молодой мумук, изнывающий от скуки.

– О! – возбудился он при виде меня, – Вы же дядя Арвистер?! Ну, Шпилька рассказывала, что...

– Тссс..., – прошипел я, аккуратно отодвигая полуговядину со своего жизненного пути, – Потом.

– Да я всего на минуту! – почти обиженно вякнул этот малыш, – Просто хотел узнать...
– Ребенок. Я вампир и очень... очень голоден. А ты молодой и вкусный. У-хо-ди.

На последнем слоге он уже был в районе «Отвернувшегося слона», причем, двигаясь по Малиновой с превышением скорости. У нас тут не больше двадцати можно ехать, а мумук выдал все шестьдесят.

– Нузачемтыего! Онменяждал! – из дому выкатилась миниатюрная деловая колбаса по имени Анника, тут же укатившаяся вдаль. Ноль внимания, фунт презрения на всяких там Арвистеров.

И хорошо. Она тоже вкусная.

Поневоле начнешь ценить то, что Шеггарт большую часть времени сидит в своей мастерской, воняющей лаками, красками и деревом. Его запаха почти никогда не чую.

Это очень хорошо в моменты, когда у Конрада так не задался день.

Глава 5. Невыносимые святые

С утра организм припомнил мне всё за последние триста лет. Перенапряжение после выброса было настолько серьезным, что я только и мог, что лежать на кровати без возможности куда-либо сдвинуться. Алиса, чуя свободу и независимость, громко ходила по дому, стучая, шкрябая и звеня тарелками. Шегги в кои то веки от неё решил не отставать и что-то начал сверлить. Умом я понимал, что они просто не знают, что я дома (телефон у меня отключить силы вечером нашлись), но вот душой их простить никак не мог. Радостный голос прибежавшей к обеду Шпильки стал последней каплей моих страданий, так что я восстал.

...и ушел из этого вертепа бодрых и жизнедеятельных существ. Туда, где любят, ценят и понимают. Может быть, не меня, но деньги, но хорошо же иметь и такое место?

– Подожди, у меня что-то со слухом. Ты попросил меня, ангела, о стакане живой теплой крови? – не поняли, не оценили и не полюбили меня в лице бармена по имени Валера.

– Здесь, в Омниполисе, мы не очень-то и сильны в расовых предрассудках, – прохрипел я, едва не падая лицом на стойку, – Тем более, когда речь идёт о барменах. Будь другом, налей, а? Помираю.

– Конрад, ты сейчас пошатнул основы моего понимания термина «всепрощение». Я не уверен, что теперь верю в него. Что понимаю его смысл и значение. Они теперь иллюзорны, Конрад.

– Валера, не нуди. Дай мне хоть что-нибудь, что поможет мне хоть чуть-чуть прийти в себя и я оставлю тебя в твоём алкоголизме и унынии. Пойду исполнять свой долг обществу. Кстати, я ищу священника в интересах одного демона. А плохо мне, потому что я вчера самоотверженно и бескорыстно спас полудемона и вампира. Ну же, Валера. Немного крови. Пожалуйста.

– Кажется, я допился..., – пробормотал запросто различающий правду житель Верхнего мира, проводя рукой по лицу, – ...или же мне снится кошмар.

– Просто ты медленно и болезненно расстаешься с глубокой внутренней убежденностью в том, что примат духа довлеет над бытием, – вздохнул я, – Процесс необратим и всепоглощающ, но скоро станет неощутимым.

– А что довлеет над бытием? – тоскливо спросил ангел и болезненно икнул, – Что?

– Хаос, разумеется, – удивленно поднял я бровь, устав в процессе, – Хаос великий и неделимый, иронично выделивший ничтожно малую часть себя на наше всё, Валера. Всё бытие. И повинуюсь не воле, а иронии, ты найдешь мне немного крови, потому что мы с тобой, падший ангел, братья по хаосу. Его провозвестники в этом мире и в других.

Позади меня тихо всхлипнули по орочьи. Ангел, выпавший в осадок, возвел очи горе и замер соляным столпом. Его нимб нервно мигал. Я тихо страдал за стойкой, смиренно ожидая

результатов перезагрузки крылатого. Внезапно на стойку стукнулся высокий стакан. Потянув носом, я чуть было не застонал – коктейль «четыре орчанки»! Прелесть! Моя прелесть!

Моя...?

Прелесть...?

– Мы тебе его дадим, если сможешь вытянуть своего большого друга на свидание! – рожица Василисы была хитрой, алчной и пошлой, прямо как у её столпившихся позади сестер.

– Дудки! – моментально отреагировал я, – Дружбанов на девок не меняем!

– Ну и..., – попытались кровно обидеться сестры, но не вышло.

Ангел психанул.

– Хватит!! – прогремел он аж с разнесшимся по таверне потусторонним эхом, хватая бокал, а затем ставя его перед моим носом со стуком, – Пей и уматывай, вампир!!!

– А...

– И только попробуй заплатить за это! Только попробуй!

Валера сделался страшен и грозен, а орчанки тихи и пугливы. В трактире стемнело.

Не каждый день ангел перед тобой грохает сосуд с официанточьей кровушкой. Ну как тут отказаться от такого сервиса? Конечно, выпьем. Молча правда, и без тостов, но на какие жертвы не пойдешь, чтобы этот милый блондин не стукнул чем-нибудь по голове. Всё-таки пал же он с какого-то перепугу, так почему бы и не из-за ярости?

Покинув причал, то есть трактир, я уже было пошёл к автобусной остановке, как вдруг из-за спины раздался шум. Меня кто-то догонял, пыхтя и топоча. Оборачиваться я, конечно, не стал.

– Конрад, стой! – пропыхтели у меня за кормой алисиным голосом, – Стой! А... можно я с тобой?!

– Чего? – удивился порядочно посвежевший я, – Тебе чего это дома не сидится? В кои-то веки?

– Ну..., – полностью одетая Тарасова, нацепившая себе на голову огромную и слегка помятую соломенную шляпу, когда-то ставшую моим трофеем, слегка смутилась, но ответила, – Анники уже второй день дома нет. Мне скучно.

Хм... кому откроет быстрее пастор, воздерживающийся уже неделю – мне или миленькой девочке-подростку?

– Идём, только сопровождающего дёрнем, – согласно кивнул я, – И шляпу береги. Я её украл у полуэльфа-транвестита, профессионального угонщика автомобилей, пока мы оба убегали от взбешенного тролля. Реликвия!

– Ох! – прониклась уважением к носимому предмету Тарасова, – Хорошо!

Правда, тут же начала вьедливо осведомляться – а не собираюсь ли я затащить её в какую-нибудь гнусную дыру, где живут зеленокожие карлики-каннибалы с колдовскими куклами и орками, любящими тыкать в людей копьями? Узнав, что ни о чем подобном речь не идёт, Алиса впорхнула в автобус, лучась такой улыбкой, что полуорчанка, собирающая за проезд, чуть не выпрыгнула наружу. Смешные эти орки, у самих зубищи аж изо рта торчат, но бояться мы будем вампиров, ага.

Пока Тарасова любовалась на окрестности нормальных городских кварталов, я негромко трепался с Джарредом Гарру, волчером, чаще всего дежурящим около моего дома. Недавняя история, в ходе которой волчеру изменила его любовь, определенно пошла блохастому на пользу – тот, получив от меня знатную взбучку за пьянку, взялся за ум всерьез. Переехал, бросил пить, начал упорно тренироваться, нести службу как положено. Я вроде бы даже видел её бывшую, пару раз приходившую к нему на рабочее место, но сейчас выяснилось, что ловить той было нечего. Шарик и ролик в голове волчера провернулись надёжно, включив режим волка-одиночки, так что теперь ему было глубоко чхать на всё, кроме работы, заключавшейся в охране и сопровождении Тарасовой.

Совсем другое дело. Из разбитной недисциплинированной собаки, лающей на всех от напора тестостерона, медленно рос вдумчивый и сосредоточенный профессионал, которого не стыдно и под пули подставить, если что.

– Я тебе дам, под пули! – чавкал шаурмой довольный жизнью шерстяной проглот, которого взяли погулять, – Не надо пуль! А шаурмы – надо.

– Хорошего понемножку, – хмыкнул я, – Тряси с подопечной. Кстати, мы уже почти пришли.

Одноподъездная девятиэтажка с претензией на элитность, небольшие садики вокруг, подземный гараж. Чисто и опрятно, а заодно и удивительно далеко от церкви. Очень странное место для квартиры у святого отца. Вокруг живут сплошь полугномы, полуэльфы и люди, крепкие середнячки, а тут пастор.

Оставив волчера тусоваться внизу, мы поднялись на восьмой этаж этого дома-свечки. Там я и послал вампирессу позвонить в солидную бронированную дверь с номером «25» со строгим наказом не показывать зубы в улыбке. Мол, вспомни автобус, будь скромнее и люди к тебе потянутся. А нам как раз надо, чтобы потянулись своими грязными, пошлыми и христианскими лапами.

На звонки, стук в дверь и робкий нимфеточный писк пастор не клюнул. Совершенно. Я даже не услышал, что кто-то движется в квартире, несмотря на то что в двух соседних жизнь была, а в одной даже гавкала. Ну, это непорядок.

– Так..., – поднявшись на пролет, я повертел Алису из стороны в сторону, – Ты что, сломалась? Да нет, вроде симпатичная.

Та аж хрюкнула. Не обращая внимание на неприличный звук, который смутил даже собаку соседей, я приник носок к замочной скважине, втягивая в себя воздух и принюхиваясь.

– Ах ты..., – тут же праведно возмутилась Тарасова.

– Цыц, – строго сказал я ей, особо не сдерживая голос.

В квартире не было живых и мертвых, причем давненько. С неделю точно. Надо внутрь, посмотреть, что там к чему.

– Заперто, – поделилась наблюдениями зоркая Алиса, – А отмычек у тебя нет.

– Молодежь, – вздохнул я, прокусывая подушечку большого пальца, – Мы вампиры, нам не нужны отмычки.

Управление кровью имеет свои преимущества. Уж если я могу оторванные части тела контролировать, то сформировать из крови ключ нужной формы – вообще пара пустяков. Одна из основных причин, почему все вампиры на государственной службе. Мы слишком опытные в проникновении. Хорошо хоть не в двойном и не в тройном – редко собираемся тесной командой и не очень любим конкурентов.

– Хотя, – пробурчал я, оглядываясь, – Это про вампиров-мужиков, вообще-то.

Никогда не вламывались в хату, пока вас пытается колотить красная по самые уши девушка? Новый опыт, сын ошибок речи.

– Тебе должно быть стыдно за такие слова! При ребенке! – прошипела Тарасова, закрывая за нами дверь, – Как вообще язык повернулся.

– Ребенку двадцать один год, и он знает, какие проникновения бывают, но до сих пор девственница, – парировал я, – Кому еще должно быть стыдно.

– А с кем мне...! – вспыхнула «птенец», пихая меня в спину, – Вокруг одни страшилища! Чего встал?!

– Проверяю, нет ли здесь магических ловушек, способных откусить тебе голову... или сиську, – пробурчал я, – Таких, снайперских, с микроскопом.

Сначала она не поняла, а потом как поняла. Еле успел поймать. Ловушек и сторожевых систем нет, а драчливая малолетка в приступе праведной злости – есть.

– Ты сам меня такой сделал!!

– Уф, как будто до трансформации у тебя было лучше. Там такая печаль была, что у меня вон, видишь, слеза навернулась.

– Ты меня голую видел?!!!

– Тебя, вообще-то, мне на стол как мешок говна скинули, – поделился я, вспоминая как обрадовался, думал, что подарили, наконец-то, человека, – Ну и потрогал, конечно же. Чуть когти не сломал.

– Арвистерrrrr!!!

О, знакомые нотки.

– Да хватит тебе уже, гляди лучше – чужая хата! Давай в ней пороемся! – мастерски переключил я передачи в возмущенном мозгу боевого карлика.

Хотите знать, чем можно купить любую девушку? Будоражащее Безопасное Приключение. Именно так. По шее и жопе эти прекрасные создания получать не любят просто феерически, а вот типа поиграть в риск – это обожают как собака мясо. Настолько, что совершенно теряют голову.

– Падажжы, – поймал я ломанувшуюся вперед красотку, – Сначала оценим фронт работ.

Анализ требовался. С виду это была самая обыкновенная, довольно скромная двухкомнатная квартира квадратов на шестьдесят, обиталище холостяка-педанта, ни больше, ни меньше. Минимум мебели, бюджетная кровать, реплика югославской стенки, бешено популярная в Омниполисе. Неряшливая кухня, чистенькая, но вообще не на стиле, никакого подбора предметов и мебели...

Магии нет. Совершенно нет, полностью, ни капли.

Складывалось впечатление, что эту квартиру не держали в собственности, а снимали.

– Это ты как понял? – Алиса уже проверяла подоконники и прочие доступные ей по росту места, пытаясь проверить слой пыли.

– Ну это ты у нас компьютерщица и живешь на рабочем месте. А нормальный разумный своим домом занимается..., – пробурчал я, ковыряясь с ветхим телевизором, – ...украшает его, заботится.

Телевизор не работал. Осененный внезапной догадкой, я вновь заскочил на кухню, а затем еще и в туалет – краны на газ и на воду были перекрыты. Что же, в принципе логично, раз Эммануил Заккери жил на работе.

– Так, помощница, ищем книги. Любые, – решил я, – Только ты если видишь книгу, ты её не трогаешь, а зовешь меня. Совсем не трогаешь, поняла? Никакую.

– Почему? – тут же с опаской спросила моя спутница, – Ты ищешь какую-то особую книгу?

– Волшебную, – не стал юлить я, – Но она не уносит тебя в страну волшебных лошадок, а делает кое-что похуже.

– Сам ищи эту книгу! – тут же переобулась Тарасова, – А я буду ящики открывать, в сахарницы лазить и все такое!

На том и порешили. Шмон много времени не занял, вещей наш таинственный пастор не имел кроме необходимого для проживания (или иллюзии его) минимума. Книг, записей, чеков, отправок, открыток или даже фоток с голыми женщинами не нашлось. Квартира была пустой... прямо как чучело квартиры. Мы проверили все. «Стенку», за «стенкой», на «стенке», вскрыли телевизор, заглянули под бачок унитаза, покопались в вентиляции и даже пошарили под половичками. Все было девственно чисто от каких-либо улик.

– Ладно, – сдался я, отходя от вскрытого телевизора, – Надо признать, что его тут не было.

– А кто убирал тогда? – сунула в комнату запыхавшийся нос Алиса, – Кстати, холодильник пустой. Только в морозильнике пельмени и курица.

Дверной замок, заботливо закрытый вампирессой, нехотя скрежетнул, оповещая нас о том, что в него вставили ключ и собираются войти. Тарасова тихо пискнула, приседая и делая глаза какающего суслика.

– О! – обрадовался я, – На ловца и зверь бежит!

Суслик стал тугосерей, но с активной жизненной позицией, то есть побежал прятаться. Покачав головой на такое поведение, достойное лишь мелкой хулиганки, а не Блюстительницы, я пошёл к двери. Она как раз открывалась, демонстрируя широкий тыл тащащей за собой швабру женщины, одетой в халат и недовольство.

– Здравствуйте, – вежливо сказал я тылу, – А мы как раз вас и ждем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.